МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
16+

Марина Эльденберт

Парящая для дракона

Серия «Ледяное сердце Ферверна», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53643713
Альфа-книга; 2024

Аннотация

Политический брак – совсем не то, о чем я мечтала. В его мире нет места чувствам. Я хочу стать звездой ледового шоу, а в будущем связать свою жизнь с мужчиной, которого полюблю. Не с тем, кому нет до меня никакого дела. Не с тем, чье сердце холоднее льда. Но с моим мнением никто не будет считаться.

Он правит страной и повелевает драконами, я выбрана им. И у меня не так много времени, чтобы это изменить.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 19
Глава 3 34
Глава 4 48
Глава 5 60
Глава 6 74
Глава 7 99
Глава 8 114
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Марина Эльденберт
Парящая для дракона

Глава 1

– *Л*али! Лали, отпусти, ты меня задушишь! – заливаясь смехом, сестра вывернулась из моих более чем крепких объятий, и отпрыгнула в сторону. – Ну, показывай, что у тебя случилось?

– Вот! – выдохнула я и продемонстрировала раскрытое сообщение электронной почты.

Глаза Сильваны округлились.

– Что? Ледовое шоу «Эрвилль де Олис»?! Ты серьезно?!

– Серьезнее некуда, сестренка! – выдохнула я. – Они пригласили меня на кастинг!

Не дожидаясь ответа, я швырнула планшет на стол, а потом подхватила Сильви за руки и закружилась по комнате. Комната, к слову, отделанная в ее любимых тонах – бежевое с голубым, вращались, как голографический шар в лучах светомузыки. Дыхание перехватывало от врывающегося в легкие морозного воздуха, льющегося из-за отодвинутой створки окна. Мы кружились до тех пор, пока не поплыло перед глазами, а потом вместе рухнули на кровать.

– У меня потолок плавает, – со смехом призналась Силь-

ви.

– У меня тоже, – заверила я.

Потолок и правда плавал: двухуровневые потолки то приближались, то отдалялись, то сдвигались в сторону, то утекали в диагональ. Чувствуя, как каждая клеточка тела колотится в ритме сердца, я перевернулась на живот и подперла локтями подбородок.

– Очешуеть, – выдохнула Сильви, повернувшись следом за мной.

Очешуеть – не то слово!

Мне хотелось визжать, колотить кулаками по покрывалу и прыгать до потолка, но я сомневалась, что это правильное поведение старшей сестры, поэтому позволила себе попрыгать мысленно, а вслух сказала:

– Да!

– Но… как? Когда? Ты отправляла им запрос?! Почему ты мне ничего не сказала? – Лицо Сильви стало прямо-таки обиженным.

Оно становилось таким сразу, как только сестра надувала губы. Пухлые, в отличие от моих, чувственные, красивый изгиб и красивый контур. Стоило ей их надуть, как и без того кукольное личико преображалось, глаза становились еще больше, словно расширяясь в преддверии слез. Не знаю, как у нее это получалось, но действовало безотказно: в отличие от меня. Возможно, именно потому, что я вообще не умела плакать, а может быть, потому что Сильви всегда была мяг-

че. Нежнее, женственнее – в ее не так давно исполнившиеся шестнадцать она могла похвастаться гораздо более пышными формами, чем я в свои двадцать один. Высокая, длинноногая, прибавить к этому нашу фамильную черту, белое золото волос – и получится Сильвана Хэдфенгер, королева выпускного бала и моя младшая сестра.

– Не дуйся, – я ткнула ее в плечо. – Я никому не сказала.

– Вообще никому? И своей Ринаре?

Ринни – моя лучшая подруга, к которой Сильви меня постоянно ревнует.

– Никому – это значит никому, – подтвердила я.

– Почему?

– Сглазить боялась. – Я глубоко вздохнула и снова опрокинулась на спину. – Ты бы знала, как я боялась, Сильви… Боялась, что они вообще ничего мне не ответят. Но они пригласили меня на отборочный тур!

Ледовое шоу «Эрвилль де Олис» было моей мечтой с тех самых пор, как я встала на коньки и занялась воздушной гимнастикой. Вопреки всякой логике (казалось бы, где еще стартовать грандиозному проекту, связанному со льдом, как не в Ферверне?), началось оно не в нашей стране, а в Рагране. Эрвилль была его основательницей, и чемпионкой мира, впервые совместившей театр, лед и воздушное шоу. Билеты на их представления раскупались за месяц до того, как они приезжали в город, и попасть в него, пусть даже на отборочный кастинг, первичный отбор, пусть даже просто получить

приглашение за личной размашистой электронной подписью основательницы было просто краем моей мечты.

– Ты – и боялась? Мне кажется, эти два понятия несовместимы, – фыркнула Сильви.

– Представь себе, я тоже умею бояться.

– Лали, нет. Я могу представить боящейся кого угодно, только не тебя. Иначе ты бы не крутилась под пятиметровым потолком на лентах. Меня начинает тошнить при одном только взгляде на такую высоту.

Я улыбнулась.

– Меня тоже тошнило. Поначалу.

– А что случилось потом?

– Потом я поняла, что лечу.

Сильви хотела ответить, но не успела: дверь распахнулась и в комнату шагнула моя мачеха и ее мать, Ингрид Хэдфенгер. Точная копия своей дочери, с той лишь разницей, что выглядит самую чуточку старше. Ну самую чуточку. Ингрид помешана на своей внешности и делает все, чтобы не стареть.

– Лаура, отец хочет тебя видеть, – произнесла она, изогнув бровь.

Сильви тут же подскочила и принялась поправлять платье: Ингрид не понимала никаких безумств, считая, что девушка должна быть девушкой каждое мгновение своей жизни.

– Иду! – я тоже поднялась и поправила платье.

Подхватила планшет, в котором отразилась счастливая я: улыбка до ушей, растрепанные волосы, выбившиеся из хвоста и сияющие глаза. Кажется, они сияли так, что в подсветке потемневший экран не нуждался, да он и правда в ней не нуждался. Осознание того, что там, обжигало мне пальцы разрядами ледяных искорок.

По дороге я еще раз глянула в зеркало, заправив выбившиеся пряди за уши. У меня волосы были абсолютно прямыми, но очень густыми, поэтому я предпочитала стягивать их в хвост. Иногда, во время таких безумств, они выбивались и в сочетании с тонкими чертами лица делали меня младше Сильви. Вот как сейчас.

На кастинг волосы нужно будет завить? Или лучше уложить в пучок? Наверное, лучше уложить в пучок. Хотя они обещали прислать программу кастинга позже, вряд ли в шоу «Эрвилль де Олис» будут тратить время на два собеседования, а значит, распущенные волосы не вариант. Нужно будет максимально их убрать и захватить наряд, обтягивающий тело как вторая кожа. Единственное его украшения – «платиновая» нить, идущая орнаментом по рукавам и короткой юбке, основной цвет голубой, под цвет моих глаз.

Я выйду, мне нужно будет представиться, и…

– Лаура, поторопись, – оборвала ход моих мыслей Ингрид. – Твой отец занятой человек, и у него к тебе серьезный разговор, не терпящий отлагательств.

Что там не терпит отлагательств, я уточнять не стала, вы-

бежала за дверь. Мне уже не терпелось начать готовиться, кастинг через две недели, а это значит, что времени у меня почти нет. Нужно, чтобы все было на высшем уровне. Я должна выложиться, должна показать большее, на что я способна. Интересно, где будут проводить кастинг? В Ледовом дворце Хайрмарга? Или на Старлайт-арене? Там тоже достойная высота.

Задумавшись, я забыла про порожек в кабинете отца (дракон бы отгрыз дизайнеру, который его придумал, все самое ценное), и чуть не улетела прямо к столу. Благо, с координацией у меня все было в порядке: раскинув руки, я подхватила баланс и остановилась с планшетом прямо напротив отца.

– Чудесно, Лаура, – оторвавшись от ноутбука, произнес он. – Скоро ты будешь заходить ко мне через окно.

– Не будь занудой, пап, – перегнувшись через стол, поцеловала его. – Временами мне кажется, что Ингрид на тебя плохо влияет.

– Временами мне кажется, что ты слишком многое себе позволяешь, Лаура Хэдфенгер, – произнес отец и указал на кресло. – Садись.

– Сажусь, – я утонула в мягком, темно-сером кресле.

Отец предпочитал стальные оттенки, подчеркивающие холод нашей столицы даже летом, когда температура воздуха поднимается (о чудо!) до двадцати градусов. Сейчас же, когда за окном в лучах солнца сверкали морозные искры, даже металлический блеск оживал, становясь обманчиво-теп-

лым. А мне хотелось кружиться вместе со снежинками. Кто бы знал, как мне хотелось!

Я обожаю снег. Когда идет снег, сразу становится теплее, морозное солнце – это обманка. А снег всегда искренний и светлый.

– Ты наверняка слышала о реформе Ландерстерга, – отец, как всегда, начал издалека.

Издержки профессии. Он у меня адвокат, и язык у него подвешен отлично.

– Разумеется, – я улыбнулась, – кто же о ней не знает?

С тех пор, как мир иртханов – повелителей драконов, защищающих наши города от налетов, начал стремительно сближаться с миром людей, многое произошло. В частности, в Аронгаре были отключены щиты, не позволяющие драконам заходить в города. Торнгер Ландерстерг не поддержал эту инициативу, зато он предложил и внедрил реформу, благодаря которой люди вошли в Совет Ферверна. Собственно говоря, если раньше в правящих кругах были только иртханы (по одному от каждого города), то теперь рядом с правителем-иртханом рядом вставал человек.

Это вызвало огромный общественный резонанс, и Ландерстерга вознесли чуть ли не до небес. Как бы там ни было, я все равно не могла простить ему драконов (щиты отключали не просто так, а потому что они воздействовали на зверей, не позволяя приближаться к городам без болезненных ощущений). Да, наверное, это не совсем патриотично, но я

считала, что если в древности обходились без щитов, сейчас без них тоже можно обойтись.

– Чудесно, – произнес отец. – Тогда ты наверняка понимаешь, что реформа призвана окончательно стереть границы между миром иртханов и миром людей. Так сказать, окончательно объединить нас раньше, чем Аронгара в очередной раз задерет нос со своими гуманистическими замашками.

Я выразительно посмотрела на папу. То, что он увлекается политикой, было ясно, но к чему он клонит?

– Пап? – сказала я. – Ты же не записал меня в одну из своих патриотических организаций?

Отец у меня был патриотом с большой буквы, поэтому помимо основной деятельности основал два дела, одно из которых называлось «Мы не причиняем вреда драконам» и «Дети Ферверна». Второе было благотворительной организацией, которое выделяло средства на реабилитацию и выращивание драконят, по той или иной причине оставшихся без родителей, а первое – активно продвигало идею, что щиты не вредят драконам, поскольку северные пустоши нашей страны бескрайние, и драконам отлично живется на отведенных им землях. Не то чтобы я была против помогать, но с тех пор, как увидела приглашение на кастинг… Да у меня скоро ни минутки свободной не будет, не говоря уже о том, что будет, если меня возьмут.

Когда меня возьмут, вот!

– Эта реформа направлена на то, чтобы люди с иртханами

становились как можно ближе, – произнес он, – чтобы спустя множество поколений в нашем правлении уже не было разницы между людьми и иртханами, потому что в жилах всех фервернцев будет драконья кровь.

– М-м-м-м? – поинтересовалась я.

– И мы, в частности, те, кто стоит у истоков власти сейчас…

– Что-о-о?! – я подскочила на кресле.

– Да, – отец широко улыбнулся. – Да, Лаура, место в Совете мое. Меня выбрали большинством голосов, Торнгер Ландерстерг и правление утвердили мою кандидатуру.

Теперь я подскочила уже буквально и бросилась обнимать отца. Не у одной меня сегодня чудесный день! Подумать только! Мой отец – представитель власти Хайрмарга со стороны людей! Я знала, что результаты голосования (совмещенные с одобрением кандидатуры со стороны иртханов) должны были представить через несколько дней, но видимо, все случилось гораздо быстрее.

– Поздравляю, поздравляю, поздравляю! – выдохнула я. – Это просто круто, феерично, оче…

– Прежде чем ты произнесешь это слово, Лаура, я бы хотел тебе напомнить, чья ты дочь, – наигранно-строго произнес отец.

– Самого лучшего в мире папы? – я заглянула в светло-серые глаза.

– Не подлизывайся. И вернись в кресло, потому что речь

не только обо мне.

– Да? – я закусила губу, но в кресло все-таки вернулась. Положила планшет на колени, потом на стол, не в силах скрыть охватившее меня возбуждение.

– Да. Твоя кандидатура тоже одобрена. Завтра тебе предстоит собеседование…

– Куда? – я непонимающе посмотрела на него.

– Тебя приглашают на собеседование к Торнгеру Ландерстергу. В качестве претендентки на роль его будущей супруги.

Хорошо, что я вернулась в кресло.

Потому что к сожалению (или к счастью, но в данный момент все-таки больше к сожалению) когда речь заходит о политике, мой отец начисто лишен чувства юмора, и это просто не может быть шуткой.

– Я отправил запрос, – продолжал он, – сразу, как только был объявлен конкурс…

– Что?!

Отец строго на меня посмотрел.

– Ты знаешь, что я не люблю когда меня перебивают?

– А я не люблю, когда меня выдают замуж, ничего мне об этом не сказав! – Я взвилась с кресла. – Пап… ты… ты серьезно?! Это же бред какой-то, как ты мог что-то отправить, даже не посоветовавшись со мной?!

– Потому что я знаю твой характер, Лаура, – резко произнес отец, – и твоя реакция – отличное тому подтверждение.

Сядь.

– И не подумаю!

– Сядь, я сказал. – Отец сдвинул брови. – Я отправил твое резюме еще до того, как узнал о своем назначении. Ты должна понимать, что это значит для нашей семьи.

Если я сейчас что-то и понимала, то это то, что решительно ничего не понимала. Поэтому решила уточнить:

– Конкурс?!

– Разумеется. Ландерстерг будет выбирать из десяти девушек…

Это что, отбор?! Как во времена войны Ледяных с Огненными, или даже раньше, в дремучей древности?

– Пап, это же смешно!

– Лаура! – отец повысил голос. – Сядь и выслушай меня!

Поскольку стоячее положение моего положения существенно не облегчало, я решила сесть. Поэтому и еще потому, что… ну мало ли, что отец скажет дальше, что я там должна буду делать на собеседовании. Танцевать, петь (хорошо, если не на столе) в лучших традициях отборов. Или, может, ужин ему приготовить? Со слабительным! Это я запросто.

Последнее несколько успокоило мою разыгравшуюся фантазию, потому что вернуло в реальность. А в реальности (в наше время) все-таки есть свои правила. Например, никто не может заставить меня что-то делать и куда-то идти, если я этого не хочу. Слава всем драконам, что я живу в век про-

гресса и демократии! И, если верить Ландерстергу, демократия с этого года стала еще более демократичной к людям.

– Ты должна понимать, что это значит для нашей семьи, – повторил отец.

К этому времени я уже окончательно успокоилась и решила, что буду говорить с ним на его языке. Язык эмоций мой папа-адвокат совершенно не признает, зато язык доводов, фактов и неопровержимых логических доказательств – более чем.

– Я бы поняла, – сказала я, – если бы ты не победил на выборах. Но ты победил. Ты займешь место правления рядом с Ландерстергом, а это уже больше, чем круто. Зачем тебе еще и дочка – первая ферна Ферверна?

– Затем, что все это еще очень зыбко. – Отец наконец-то захлопнул ноутбук, разделяющий нас, как Ледяная цепь. Так называли горы, отделившие северную часть Ферверна от Западной. – И что пройдет немало лет, прежде чем люди будут приняты обществом иртханов как равные. Образно говоря, вряд ли будут когда-нибудь приняты именно люди. Наша кровь сольется, и мы станем единым целым. Только тогда все изменится.

– И ты хочешь, чтобы я при нем была… кем?! – Я почувствовала, что снова начинаю закипать. – Куколкой, которую он посадит рядом в качестве подтверждения своей политической линии? Папа! Я не хочу замуж! Я вообще далека от политики настолько, насколько это возможно…

– Значит, придется сближаться, – сухо сказал отец.

– Мне пришло приглашение!

– Приглашение?

– Да! – Я подхватила планшет. – Меня приглашают на кастинг в «Эрвилль де Олис»! Ты прекрасно знаешь, что это для меня значит! Я не хочу замуж, я хочу парить… я хочу строить карьеру, хочу стать звездой ледового шоу! Я хочу…

– Достаточно! – Отец стукнул кулаком по столу. – Я говорю тебе о том, что я отправил запрос, и что на него ответили приглашением. Я говорю тебе о том, что тебе оказана великая честь, а ты мне – про свои танцульки?!

Я задохнулась, в который раз (уже не помню, в какой) вскочив с кресла.

– Это не танцульки! – воскликнула я. – Это – моя жизнь!

– Что насчет нашей? – Отец поднялся и вырос над столом. – Что насчет моей жизни, Лаура? Как я буду выглядеть в глазах Ландерстерга, когда ты откажешься прийти на собеседование? Как будет выглядеть наша семья? Как ты думаешь? Отличное начало для моего вступления в должность, не так ли? Всю жизнь я потакал твоим капризам. Когда ты захотела кататься, я сказал – пожалуйста. Когда крутилась на своих лентах, и словом не упрекнул. Сейчас же ты хочешь разрушить все просто потому, что у тебя «твоя жизнь»!

Я открыла было рот, но он мне и слова не позволил вставить.

– Я сказал все, что считал нужным. Ты можешь делать все,

что тебе заблагорассудится, но если откажешься завтра идти – разрушишь все, что я создавал долгие годы. Твой брат только начинает строить свою юридическую карьеру, твоей сестре нужна репутация. Не та, которую ты хочешь ей обеспечить своим отказом, – каждым словом он впечатывал меня в пол. – Решать тебе, Лаура. Что для тебя важнее. Семья или твоя карьера.

– Это нечестно, – сказала я, глядя ему в глаза.

– Это честно, – повысил голос отец. – Это честно, потому что твоя жизнь не крутится вокруг тебя одной. Тебе давно пора повзрослеть.

– Я давно взрослая, – выдохнула я. – Но ты этого упорно не замечаешь.

– Возможно, потому что ты еще ни разу этого не доказала.

– А я не хочу ничего никому доказывать!

Я вылетела из кабинета отца, дверь за мной закрылась с мягким щелчком. До своей комнаты буквально бежала, и только оказавшись отрезанной ото всех, от души попрыгала на мягком, впитывающем звуки ковре. Величайшее проявление чувств, которое может себе позволить дочь Юргарна Хэдфенгера, и то – за закрытыми дверями.

Когда дыхание восстановилось, я подошла к окну и отдернула шторы, впуская в комнату приглушенный тонированными стеклами солнечный свет. Налипшая на стекло снежинка, запаянная в морозный узор, растопырила лапки, отражаясь на моей щеке.

Как ни странно, именно эта растопыренная снежинка помогла мне прийти в себя. Во-первых, собеседование – это еще не замуж. А во-вторых, мне сказано на нем быть, и ровным счетом ничего о том, что я должна его пройти. Если отец считает, что я должна постараться на благо семьи, я это сделаю. Но вряд ли после этого Торнгер Ландерстерг захочет на мне жениться!

Глава 2

К собеседованию я подошла со всей серьезностью. Сложно было подойти к нему иначе, но пока вокруг меня бегали стилист с визажистом, я изучала информацию. Собственно, изучать ее я начала еще вчера: все, что можно было найти в сети про Торнгера Ландерстерга, я нашла.

Он стал Верховным правителем Ферверна в двадцать семь, тем самым обскакав Рэйнара Халлорана, Председателя Совета Аронгары. Тот, если не ошибаюсь, занял этот пост в своей стране будучи на десять лет старше или вроде того. Ландерстергу удалось обойти более старших и опытных соперников, когда за него проголосовало большинство, девяносто пять процентов населения Ферверна выразило свое желание видеть его на посту.

Династия Ландерстергов корнями уходила к древнейшим родам Севера и силы в нем было немерено (а у иртханов сила ценится превыше всего). Для того, чтобы управлять драконами, недостаточно просто обладать какой-то огненной кровью, в ней нужна мощь. Та самая, с помощью которой современная технология позволит раскинуть над огромным мегаполисом щит, та, которая способна подчинить и развернуть даже самого опасного зверя в случае потенциального налета.

У Ландерстерга все это было, единственным минусом счи-

тался его возраст, на который упирали все его соперники в своих предвыборных кампаниях. Тем не менее когда год назад снова происходили выборы (выборы в Ферверне происходят раз в пять лет), он снова победил с огромным отрывом от других кандидатов. Людям он нравился: нравилось то, что вопреки всем мировым веяниям он не прогибается под политику Аронгары. Ну а после реформы он вообще стал национальным героем.

– Ферна Хэдфенгер! Посмотрите, – говорит стилист и отступает в сторону. – Как вам?

– Шикарно, – говорю я, едва взглянув в зеркало.

Я выгляжу, как должна выглядеть одна из претенденток на роль будущей супруги главного дракона Ферверна: мои волосы уложены, подхвачены, крупными волнами стекают по шее на спину. Никаких лишних украшений, только серьги, сливочное платье – с открытыми плечами, тем не менее у него воротник под горло, от которого расходится лиф. Строго, соблазнительно, элегантно. Правда, к платью мне еще полагается пиджак – как раз, чтобы прикрыть плечи, пиджак можно снять, но снимать его я не собираюсь. Я вообще не собираюсь показывать Ландерстергу ничего лишнего, пусть даже это просто мои плечи.

– Превосходно, – это уже отец.

С той минуты, как я сказала, что готова собеседоваться, он пребывает в чудесном расположении духа. Отец обнимает меня осторожно, чтобы не помять платье и не повредить

прическу, а потом отступает.

– Ты великолепно выглядишь, Лаура.

Его глаза горят неподдельным восторгом, на миг меня даже кусает совесть, но я мигом ей напоминаю о том, что отец вообще-то не спрашивал меня о том, чего я хочу. И о том, что в мои планы совершенно точно не входит становиться политической марионеткой, поэтому я улыбаюсь уже без тени сомнений:

– Спасибо, папа.

В холле я ловлю на себе недовольный взгляд Ингрид – мачеха не любит, когда кто-то выглядит лучше нее, и восхищенный Сильви.

– Удачи! – шепчет сестра и посылает мне воздушный поцелуй.

В ответ я подмигиваю.

– Удачи, – повторяет отец, провожая меня к дверям. – У тебя все получится.

Надеюсь, что нет.

– Просто будь собой.

Это я могу.

У нас двухэтажная квартира в одной из высоток в центре, не пентхаус, конечно, но в целом весьма просторная. Только сейчас, оказавшись за дверями, я понимаю, насколько на самом деле волнуюсь. У меня есть опыт общения с одним из ведущих адвокатов Ферверна, но опыта общения с драконами у меня нет. Точнее, у меня нет опыта общения с Ландер-

стергом, а сегодня я собираюсь его приобрести.

Ой, мама.

Отец открывает передо мной дверцу флайса, предупреждает:

– Когда ты вернешься, меня не будет дома. Встречаюсь с клиентом, поэтому поговорим позже, – после чего помогает мне сесть.

Полы пальто распахиваются, холод тут же вгрызается в тонкие чулки. Солнце слепит так, что я сразу же надеваю очки. Водитель косится на нас с интересом, но когда отец говорит «Айрлэнгер Харддарк», его лицо вытягивается.

Айрлэнгер Харддарк – место, где сосредоточена власть, сила и защита нашего города. Образно говоря, самая крутая высотка столицы, излучающая волны абсолютно безвредные для людей и иртханов, но не подпускающие драконов к городу. Там же сидит наше правительство, и прежде чем я успеваю об этом подумать, дверца флайса отрезает меня от отца.

– Погодите-ка, – говорит водитель, когда мы поднимаемся в воздух. – Это что, я сейчас забираю дочку ферна Хэдфенгера?

Я невольно улыбаюсь, глядя на отдаляющегося отца, оставшегося на верхней парковке. Флайс стремительно идет ввысь, занимает место в очереди на выход из рукава на центральную аэромагистраль.

– Да.

– Очешуеть! – произносит он. – Ну, будет что ребятам рас-

сказать. Я голосовал за вашего отца.

– Спасибо.

Что тут еще скажешь?

– Серьезно! Дочка Юргарна Хэдфенгера. Если честно, я не верю, что из этого сразу что-нибудь получится… ну, вы в курсе, – водитель пожимает плечами. – Иртханы все равно не подпустят нас к правлению дальше, чем это выгодно им. Но ваш отец крут, и многого добился.

Киваю, рассеянно глядя на искрящиеся в лучах зимнего солнца высотки. Если мне повезет, то еще в этом году я получу контракт на работу в «Эрвилль де Олис», а потом…

– Нет, вы не подумайте, – тут же исправляется водитель, явно понимая, что сболтнул лишнее. – Я ничего плохого сказать не хотел, просто нужно время, чтобы перестроиться. Вы же понимаете, о чем я? Понимаете?

– Я не увлекаюсь политикой.

Такого ответа он явно не ожидал, поэтому замолкает, а я смотрю на снежные стрелы, мельтешащие справа и слева от меня. Летим мы достаточно быстро для такого времени, и это тоже благодаря Ландерстергу. Он приказал уравнять налоги для ВИП-магистрали и центральной, и благодаря этому Хайрмарг перестал быть одной большой пробкой.

Мысли о Ландерстерге бегут по коже морозом. Похожим на тот, что искрится за окном, оседая разноцветной ледяной пылью в лучах солнца. Я видела его в новостях, видела его в сети, но я не представляю, каким он будет на самом деле.

Мне бы хотелось составить реальный образ, так проще готовиться к разговору, но что имеем, то имеем, как говорится.

Разумеется, меня уже ждут.

Секретарь (девушка) встречает меня в приемной и предлагает кофе, второй секретарь (молодой человек) помогает снять пальто. От кофе я отказываюсь, пальто отдаю, но не успеваю даже присесть, как дверь открывается, и из кабинета вылетает женщина. С черными, как угли, волосами, глаза располосованы вертикальным зрачком – иртханесса, из-за ярости голубого огня не видно настоящего цвета. Исходящее от нее пламя обжигает, как зажатая между ладоней ледяная пластина, она окидывает меня яростным взглядом.

– Эта-то что здесь делает? – интересуется она, глядя на меня, как на раздавленного подщельника.

– Ферна Рэгстерн… – стремительно бледнеет секретарь.

– Претендентка? – насмешливо выплевывает она, окидывая меня взглядом от кончиков туфель до волос. – Торн же не любит блондинок.

Исходящее от нее презрение впитывается в поры, как ядовитый туман, иначе чем объяснить то, что я делаю дальше? Вытаскиваю заколку, позволяя волосам свободно рассыпаться по плечам, снимаю пиджак и сую в руки совершенно ошалевшему секретарю.

– У вас устаревшие сведения, – сообщаю не менее ошалевшей от такого поворота девице, а потом шагаю за дверь.

Вообще-то эффектно врываться не входило в мои планы,

но я никому и никогда не позволю так на себя смотреть.

– Добрый день, ферн Ландерстерг, – озвучиваю свое появление.

Он поднимает голову, и я чувствую, как под его взглядом в меня врывается пламя. Холодом, тысячей игл, всей своей мощью, ударяющее с такой силой, что я осыпаюсь ледяной крошкой, чтобы срастись ледяной статуей и очнуться от резкого:

– Не помню, чтобы я разрешал вам входить.

Не случись этой фразы, наверное, мой запал остался бы где-то за дверями, в приемной, но она случилась и сказана была ровно с той интонацией, которую ферн Главный Дракон Ферверна решил в нее вложить. То есть примерно так же он мог бы обратиться к своему секретарю, которая не вовремя принесла ему кофе. Хотя подозреваю, что со своими подчиненными он гораздо более вежлив.

– Вы не разрешали, – ответила я и приблизилась к столу: длинному, металлический отблеск которого не согревало даже солнце. – Я сама вошла. Сейчас ровно одиннадцать, поэтому если не возражаете, давайте начнем собеседование. У меня куча дел после общения с вами.

Не дожидаясь приглашения, я отодвинула соседний стул и устроилась на нем, закинув ногу на ногу. Край платья чуть приподнялся, но о том, что это произошло, я поняла только по глазам дракона, которые… нет, они не округлились. Из ярко-синих они стали почти черными, как ночное небо. Я

тут же одернула подол, прикрывая узорный краешек чулок, и вернула вторую ногу на пол.

– Лаура Хэдфенгер, я полагаю? – справившись с эффектом первого знакомства, произнес дракон.

От него веяло ледяным пламенем, настолько сильным, что у меня волоски на коже приподнялись, и я пожалела, что оставила пиджак в приемной. Так и замерзнуть недолго к драконьей бабушке.

– Правильно, – созналась я, понимая, что перегибать рядом с ним не следует.

Одно дело не пройти собеседование, совсем другое – вылететь за дверь с репутацией безголовой идиотки, второе мне совершенно точно не нужно.

– И вы полагаете, Лаура, что можете врываться в мой кабинет и творить, что вам вздумается?

– Я что-то сотворила? – спросила я.

Мне это стоило немалых усилий, потому что ледяные искры в его глазах обжигали, как морозный воздух. Под этим взглядом перехватывало дыхание, а стул начинал превращаться в ледяной трон. Чувство было такое, что я вот-вот с него соскользну и окажусь у его ног. Не самое лучшее, надо сказать, ощущение – когда на тебя смотрят сверху вниз.

– Вы вошли в мой кабинет без приглашения.

– Как я уже сказала, на часах ровно одиннадцать, а после встречи с вами у меня назначены другие, – заметила я, хотя после встречи с ним у меня была назначена встреча с по-

душкой и успокоительным. – Нарушать договоренности я не имею привычки, и вы, как никто другой, должны это понимать.

Ландерстерг откинулся на спинку кресла. Даже сейчас, расслабленный, он выглядел как дракон, который в каждую минуту может дыхнуть огнем и превратить меня в ледяной столбик. Последнего очень не хотелось бы, учитывая, что у меня впереди кастинг и вообще вся жизнь.

– Что ж, Лаура Хэдфенгер. Почему вы хотите стать первой ферной Ферверна?

– Я не хочу.

Кажется, мне удалось его пронять. То есть когда я шла сюда, у меня в голове крутился совсем другой сценарий, но с момента появления темноволосой драконицы, возомнившей, что может смотреть на меня как на третьесортный вонючий сыр, все пошло немного не так.

Хотя немного – это еще слабо сказано.

– Это не ваше резюме? – уточнил Ландерстерг, развернув ко мне ноутбук.

Поклясться могу, он его только что открыл! Вот только что, в перерывах между тем, когда глазел на мои чулки и между тем, когда интересовался, как я посмела войти в его кабинет без стука. А меня, между прочим, уже начинало потряхивать. Рядом с иртханами всегда так, особенно рядом с теми, которые позволяют пламени вырваться на свободу. Меня, судя по тому, что глаза Ландерстерга были вполне се-

бе человеческими, зацепило остаточным – то есть тем самым, которое он активно распылял рядом с вылетевшей из его кабинета иртханессой.

– Мое.

– В таком случае?

– Резюме отправил мой отец.

Ландерстерг приподнял брови. Они у него были чуть темнее волос, а волосы – темный пепел и серебро, чуть короче, чем сейчас модно. Наверное, после него станет модно стричься именно так, но…

Вот тут я потеряла мысль, потому что дракон неожиданно поднялся. Я видела его в сети, и знала, что рост у него под два метра, и что целоваться с ним (случись несчастье действительно обзавестись статусом его невесты) мне придется, подставляя табуреточку или надевая пятнадцатисантиметровые шпильки. Увы, сеть не передавала и сотой доли той силы, которая сквозила в каждом его движении, она сглаживала даже резкость крыльев носа и жесткость губ.

Фильтры. Определенно, во всем виноваты фильтры.

– Пойдемте, Лаура, – он протянул мне руку.

– Куда? – уточнила я.

– Продолжим собеседование в другом месте.

Я хотела сказать, что меня вполне устраивает собеседование в этом уютном кабинете, но вовремя поняла, что не стоит. Поэтому поднялась и последовала за ним в сторону стеллажей с дипломами, наградами, благодарностями и прочи-

ми составляющими декораций правительственного кабинета. Голографическая карта Ферверна, к слову, раскинувшаяся во всю стену, была интерактивной.

– Так я сразу увижу любой возможный очаг налета, – пояснил он, когда мы шли мимо.

Теперь я, кажется, поняла, почему у нас в стране никогда не бывает налетов.

При нашем появлении секретари синхронно вскинули головы.

– У вас есть накидка? – поинтересовался Ландерстерг.

– Есть. Пиджак.

Не дожидаясь, пока подойдет секретарь, он коснулся панели встроенного шкафа, и зеркальная дверь отъехала в сторону.

– Так лучше, – сообщил дракон совершенно очешуевшей мне, накинув пиджак мне на плечи.

Парад очешуения продолжался, потому что секретари провожали нас взглядами. И не только секретари, нас провожали взглядами все, кто попадался нам на пути: такими, когда стараешься сделать вид, что не смотришь, но все равно смотришь, потому что не смотреть не можешь.

Капсула лифта поглотила нас и стремительно вознесла под самый купол Айрлэнгер Харддарк. Это я поняла, когда шагнула в просторный, залитый солнечным светом зал, откуда весь Хайрмарг открывался как на ладони. Точнее, в самом центре ладони на высоте, на которой даже драконам стано-

вится дурно, стояли мы, а вокруг раскинулся город. Загораживал обзор только комплекс Грайрэнд Рхай, иззубренными стрелами вонзающийся в небо.

Здесь было прохладнее, поэтому я поняла, почему меня попросили надеть пиджак. Впрочем, прохлада не шла ни в какое сравнение с той красотой, которая открывалась снаружи и над нами. Создавалось такое чувство, что мы парим в небе, потому что стеклянный купол над головой вспарывал облака.

– Можете продолжать. – Ландерстерг кивнул, устраиваясь у панорамного окна и устремляя взгляд вниз, словно его действительно интересовали ниточки аэромагистралей, извивающихся под порывами ледяного ветра.

– Мой отец считает, что вы идеальный муж.

– А вы нет?

– Нет. Я не хочу замуж.

– Вы всегда говорите правду, Лаура? – Ландерстерг указал взглядом на диванчик напротив него.

– Если меня о ней спрашивают.

– Ценное качество. В таком случае скажите, что вы думаете о времени моего правления?

Я приподняла брови.

– Я не одобряю вашей политики по поводу драконов.

– Тоже считаете, что стоит отключить щиты?

Странно, но здесь, на этой высоте я почему-то чувствовала себя совершенно иначе. Как будто небо стирало любые

различия в социальных статусах.

– Я считаю, что они имеют право передвигаться по пустошам без опасения наткнуться на болезненную границу щита.

Холодный взгляд вонзился в меня, но уже совершенно иначе.

– Сейчас драконы живут гораздо дальше, чем еще несколько лет назад, это правда. – Ландерстерг смотрел на меня, как будто вел переговоры с кем-то из Совета правления. – Зато мы блокируем любые попытки браконьеров и фанатиков из «Истоков» до них добраться. Когда щиты будут отключены, сделать это будет гораздо сложнее.

Да, браконьеры – действительно бич современности. Из крови драконов делают рэгст, наркотическое средство, стоимость которого на черном рынке позволяет производителям безбедно существовать и активно развивать свой бизнес. Что касается движения «К истокам времен», те, кто в нем состоит, считают, что иртханы незаслуженно стоят у власти. Их выходки не ограничиваются безобразными вбросами в сети и разбрасыванием листовок, на их совести несколько серьезных покушений. Удавшихся. И десятки тех, что не удались.

– Поэтому я пока не готов ответить на твой вопрос, Лаура.

Видимо, высота действовала не только на меня: мы как-то незаметно перешли на ты.

– И да, я тебя услышал.

Взгляд у него был холодным, как сталь в ледяной воде, зато я теперь поняла, почему выбрали его. Поняла, почему

он продержался на своем посту пять лет, и почему за него голосовали снова. Я, кстати, не голосовала.

Потянулась к журнальному столику, а точнее, к графину, чтобы налить себе воды.

– Ты голосовала за меня?

Я чуть не поперхнулась первым же глотком.

– Фы не имеете права об этом спрашивать, – сказала я, представляя себе, как на глазах первого дракона Ферверна изображала оживший фонтанчик.

– Ты совершенно права, – неожиданно серьезно отозвался он. Потом поднялся и протянул мне руку: – Пойдем.

В эту минуту я точно думала чем угодно, только не головой, потому что одно прикосновение обожгло мои пальцы, как если бы я коснулась вековой льдины. Этот удар от подушечек прокатился сквозь ладонь до самого предплечья. Я не дернулась исключительно потому, что это выглядело бы крайне странно, но потребность собрать пальцы в кулак никуда не делась. Он всего лишь касался моей руки, а я чувствовала себя обнаженной.

А когда в лифте эту цепь разомкнуло, ощутила непонятный, пугающий холод.

– Удачи на встречах, Лаура Хэдфенгер, – произнес Ландерстерг, и мне на миг, на какой-то очень короткий миг показалось, что его голос звучал самую малость иначе, чем когда он обратился к секретарю. – Одер, зайдите ко мне.

Он скрылся за дверями раньше, чем мне успели подать

пальто. Одер тенью метнулась за ним, я же направилась к лифтам и вышла на улицу. Только глотнув морозного воздуха – всей грудью, смогла избавиться от наваждения, вызванного одним коротким прикосновением. Оглядевшись, надела очки и вскинула руку, бросаясь к замершему у рукава заказанному заранее флайсу (по правилам безопасности парковки Айрлэнгер Харддарк были предназначены только для флайсов сотрудников, поэтому пришлось бежать метров сто).

– Оглхэрд, Четвертая линия, девять, – назвала адрес и откинулась на сиденье.

Все, я домой.

И спать!

Потому что именно благодаря этому собеседованию я провела одну из самых долгих бессонных ночей в моей жизни.

Глава 3

– *Л*али! Ну Лали! Хватит дрыхнуть уже! Я жду не дождусь, когда ты мне все расскажешь! – Голос сестры выдернул меня из сна, как пробку из бутылки.

Я нехотя разлепила веки: состояние у меня было примерно такое, как бывает после подготовки к страшному экзамену, когда всю ночь сидишь над лекциями, утром на адреналине сдаешь, а потом возвращаешься домой и падаешь с ног.

– Имей совесть, Сильви, – сказала я, морщась от света – сестра ткнула в панель, и светильники вспыхнули все разом. Чтобы не стукнуть Сильви подушкой, натянула подушку на голову.

– Это ты имей совесть! – донеслось глухое сверху, и подушку стащили. – Приехала от Ландерстерга и завалилась спать! Мне же интересно, как все прошло!

То, что спать мне дальше не дадут, я поняла, когда подушка улетела в кресло, а сестра вскочила.

– Слушай, ну и морозильник тут у тебя! – Она подскочила к окну и запечатала створки, после чего вернулась и уселась рядом со мной на кровать. – Все. Я готова. Рассказывай!

– Рассказывать – что? – Я повернулась на спину и посмотрела на эту террористку очень выразительно.

– Все! Какой он? – Сильви подогнула под себя ногу. – Ну

то есть, не такой, как по визору, а вообще?

– Большой, – брякнула первое, что пришло мне в голову.

– Большой?

– Ага.

– То есть высокий? Это я и так знаю. Он еще и качается наверняка, ты его плечи видела?

«Видела», – хотела сказать я, но не стала.

Просто потому что после общения с Ландерстергом мне почему-то расхотелось его обсуждать. С экзаменом я сравнила не просто так, я действительно полночи провела без сна, по крупицам собирая информацию изо всех архивов и свежих новостей, любую, которой только можно воспользоваться, чтобы не стать Лаурой Ландерстерг, но все оказалось проще, чем я думала. Дракон оказался нормальным. То есть настолько нормальным, насколько вообще может быть дракон. Не считая первой фразочки, общался он со мной на равных, а потом вообще сказал, что меня услышал. Мне даже не потребовалось пускать в ход все свои наработки на тему недовольства его политической линией.

А от его прикосновения… я сглотнула и сжала ладонь, потому что клеймо его пальцев до сих пор горело на коже. Нет, все-таки к лучшему, что я сразу сказала ему правду. Играть с Ландерстергом – себе дороже.

– Эй! – Сильви ткнула меня в плечо. – Не спать!

– Я не сплю, – я села и откинула волосы назад.

Сейчас вся эта выходка с эффектным появлением и ски-

нутым на глазах иртханессы пиджаком казалась мне сном. Так же, как и подол платья, из-под которого явно был виден краешек чулок, и потемневший драконий взгляд.

– Не спит она! Так как вы поговорили? Что думаешь? Есть вероятность, что он выберет тебя? – глаза Сильви сверкнули.

«Вы всегда говорите правду, Лаура?»

– Я бы сказала, все прошло хорошо.

– Хорошо? То есть да? – сестра вцепилась мне в руку.

– Я не могу решать за него.

– Не может она! – фыркнула Сильви. – Сама-то как думаешь?

– Я думаю, что не хочу об этом думать! – огрызнулась.

– Ну и пожалуйста, – надулась сестра.

Она спрыгнула с кровати и направилась к двери, я подскочила и бросилась за ней.

– Сильви! Силь! Ну не обижайся, – схватила ее за плечи и развернула лицом к себе. – Я просто не особо хочу об этом говорить.

– Почему?!

– Потому что мне странно думать, что меня будут выбирать из кучи других девиц.

– Не из кучи, а из десяти, – хмыкнула сестра.

Я вздохнула.

– Слушай, давай просто замнем, а?

– Не понимаю я тебя, Лали! Ты хоть представляешь, что значит статус невесты Ландерстерга?

То, что я выбрана в качестве политической марионетки?

Этого я вслух не сказала.

– Расскажи лучше, как дела в университете?

– А, что там может быть. Тоска, – Сильви вздохнула. – Учеба, учеба, учеба… зачеты. У тебя когда следующий, кстати?

– Послезавтра. Завтра еду на консультацию.

– А у меня через два дня. Политология. Ненавижу ее! Буэ! – сестра скривилась и сделала вид, что ее тошнит. – Еще этот мерзкий Гундар, все время нудит: если вы не посещали все мои лекции, сдать вам будет сложнее. Посмотрю я, какая у него будет физиономия, когда отец займет пост, а Ландерстерг сделает тебе предложение!

Я чуть не поперхнулась воздухом.

– То, что он сделает, даже не сомневаюсь. Ты всегда умела произвести впечатление.

Да, Сильви, как и отца, ждет большое разочарование. Я только надеюсь, что мы с ним из-за этого не поссоримся, потому что временами отец перегибает, но он все-таки мой отец, и я очень его люблю. И он меня тоже.

– Слушай! Ты давно заходила в соцсеть? На меня пять тысяч подписались, когда про отца объявили.

Я закатила глаза.

– Лали! Представляешь, что будет, когда…

– Силь!

Повторно надуться сестра не успела, нас снова прервала

Ингрид. То, что она не в духе, было понятно по едва уловимо сведенным бровям (сильнее они у нее не сходились, потому что мачеха регулярно делала инъекции молодости).

– Девочки, – сказала она. – Я же просила не опаздывать к ужину.

– А мы и не опаздываем, – тут же нашлась Сильви. – Просто Лали долго спала…

Спасибо, сестра.

– Но я ее разбудила, и мы уже идем.

– Чудесно, – произнесла Ингрид ровно тем самым тоном, которым могла бы сказать «Отвратительно». – В таком случае приводите себя в порядок и спускайтесь.

– Уфф, – выдохнула Сильви, когда за ней закрылась дверь. – Достала со своими ужинами! Что не так, если я поем отдельно чуть раньше или чуть позже?

Вопрос был риторический. Ингрид нигде не работала и проводила дни в салонах красоты, после чего возвращалась домой и высматривала новомодные тенденции во всех сферах, до которых могла дотянуться. Недавно она где-то вычитала, что для сплочения семьи необходимо хотя бы ужин (а в идеале завтрак, обед и ужин) посвящать совместному времяпровождению. В итоге мы, находясь в «переходном периоде на совместное трехразовое питание» собирались за ужином (особенно по этому поводу психовал отец), а если не собирались, потому что у него была важная встреча, психовать начинала Ингрид. Учитывая, что когда психовала Ин-

грид, после начинали психовать все (ее психоз, видимо, передавался воздушно-капельным), проще было действительно поужинать вместе.

Поэтому Сильви убежала переодеваться: девушка должна выглядеть элегантно даже у себя дома за ужином (с) Ингрид, а я уставилась в зеркало. Слегка растрепанные, но все еще льющиеся по плечам крупными волнами волосы расчесала, надела платье, в котором можно разогнуться, а не сидеть, как будто ты проглотила палку.

– Все будет хорошо, – пообещала себе.

Папа поймет.

Нет, правда, поймет. Тем более что с образом Ландерстерга как-то не вязался разговор в стиле: «Ваша дочь сказала, что вы насильно решили выдать ее замуж», а просто отказ… ну, к отказу надо быть готовым. Если честно, я испытывала облегчение по поводу того, что все так быстро закончилось. Облегчение, никак не связанное с тем, что внутри что-то тоненько цапнуло при мысли о том, что мы больше не встретимся.

И с тем, что ладонь снова опалило пламенным льдом.

К счастью, эта страница моей жизни навсегда останется в прошлом, и завтра я снова стану просто студенткой, у которой на носу зачеты и защита. И кастинг в «Эрвилль де Олис»!

С этой мыслью я выпорхнула из комнаты, чтобы услышать внизу голоса. Отца, Ингрид и… брата?! Даргел исключался

из «общего» ужина по той причине, что уже давно жил отдельно, но сегодня, видимо, решил заглянуть в гости. Себя я поймала сначала на лестнице, а потом – уже с визгом – в его объятиях. Под неодобрительным взглядом Ингрид обхватила его руками и заглянула в глаза, снизу вверх.

– Лали, – мягко произнес брат, целуя меня в макушку.

Имя «Лали», кстати, придумал он. Точнее, он говорил, что я так себя называла, когда училась разговаривать, и с тех пор оно ко мне прилипло.

– У-у-у, какой ты стал большой, – насмешливо произнесла я.

В ответ брат легонько щелкнул меня по носу.

– Чем обязаны?

– У нас сегодня большой день, – за него ответил отец, и я вопросительно посмотрела на него. Кажется, папа на меня совершенно точно не злился.

– Большой день? – Сильви присоединилась к нам.

– Да, – в голосе отца звучала гордость. – Сегодня Лаура стала невестой. Дочка, ты молодец. Поздравляю!

Все, что сегодня произошло, кажется мне бредом. Или сном. Поэтому я упускаю момент, когда можно было спросить: «Что?!» – выпучив глаза на манер придушенной рыбки, и все по очереди бросаются меня поздравлять. Сначала – Сильви, которая виснет на нас с Даргелом, как елочное украшение и кричит мне в ухо: «Я знала, что моя сестра самая лучшая!»

Потом Ингрид, которая говорит в своей манере (очень сдержанно):

– Поздравляю, Лаура.

И даже брат, который всегда знал меня как облупленную, произносит это драконово:

– Поздравляю.

А я понимаю, что мне нечем дышать. Настолько нечем, что я выворачиваюсь из рук и со словами:

– Сейчас вернусь, – бросаюсь в сторону гостиной.

Там есть балкон: огромный, с панорамными окнами, и вид с него на заснеженный город просто потрясающий… был бы, если бы перед нашим домом не вырастала еще одна высотка. Тем не менее я стою, вцепившись в поручни и пытаюсь осознать случившееся. А случилось именно то, что один дракон меня просто-напросто нагрел!

«Я вас услышал»! – говорили они. Они – в смысле Его Иртханейшество, Торнгер Ландерстерг Первый, Единственный и Неповторимый.

И ведь как говорил, ископаемое! Так, что я повелась и поверила. Ни на секунду не усомнилась в том, что для меня все закончилось благополучно.

Морозный воздух впивается мне в кожу, остужая желание прямо сейчас набрать номер Ландерстерга (еще бы он у меня был) и поинтересоваться, с какой радости меня осчастливили величайшей честью. Я уже почти готова это сделать, когда на балкон выходит Даргел.

– Лали? – Он набрасывает мне на плечи пиджак, на мгновение возвращая в приемную Его Иртахнейшейства, и у меня перед глазами мелькает лицо Ландерстерга. Резкая линия бровей, прямой взгляд в упор, холодный и жесткий. – Все в порядке?

Я поворачиваюсь к брату. Даргел у нас в семье единственный темноволосый, он пошел в маму. Из-за этого, когда мы появляемся где-то вместе (там, где нас не знают) отовсюду доносится: «Красивая пара». Мы с ним тихо хихикаем, но сейчас мне не до смеха. Я смотрю в его фиолетовые глаза и думаю о том, что могу вот прямо сейчас все ему рассказать. Сказать, что я не собираюсь замуж за Ландерстерга, что все это – грандиозная ошибка, потому что одного высокопоставленного дракона перемкнуло, но у брата своя практика. У него только-только начинается карьера, и я знаю, что он однозначно примет мою сторону. А это значит – ссора с отцом, испорченный вечер и полная задница, выражаясь словами Рин. Рин, в отличие от меня, не стесняется в выражениях, и сейчас мне тоже не хочется стесняться. Все, что мне хочется – это поговорить с Ландерстергом и сказать, что я о нем думаю.

О нем и о его: «Я вас услышал»!

– Да. Просто это было несколько неожиданно, – приподнимаюсь на носочки и целую брата в щеку. По его глазам вижу, что он не готов закончить этот разговор, поэтому закрываю его сама. – Пойдем? А то у Ингрид случится дергогла-

зие, если мы опоздаем на ужин.

Дар смеется.

– Лали, ты неповторима. Ни на секунду не удивляюсь, что он тебя выбрал. – Брат закрывает дверцу балкона, и я возвращаю ему пиджак. – Ты уверена, что у вас все получится?

Дар не мог этого не спросить, но на сердце сразу становится тепло.

– Уверена, – говорю я.

– Тогда я спокоен.

В столовой, оформленной в белое с золотом, уже все сидят на своих местах. Отец во главе стола, слева от него Ингрид с Сильви, мы с Даргелом садимся справа. Мебель Ингрид выбирала лично, она же настояла на том, чтобы она была деревянной. В нашем мире дерево – символ роскоши. Равно как и бумага, потому что естественного роста деревьев из-за драконов не наблюдается.

Когда-то люди вообще жили под землей (охотились на драконов, драконы охотились на них), а вышли только когда появились иртханы. Первые появились на другом континенте, произошли они от шаманов Пустынных земель, вливавших себе драконью кровь. У нас на Севере все было сложнее, потому что ледяное пламя гораздо страшнее огненного. Огонь можно погасить водой, ледяное пламя будет гореть, пока не растает вложенная в него драконом сила, а силы у снежных зверей просто через край. Их кровь выжигала большинство первых смельчаков, которые решили повто-

рить опыт перворожденных. Их дыхание – наши земли. Долгое время Север был заснеженной пустыней, пока не появились первые сильные иртханы.

Словом, деревья у нас исключительно в парках, и разводят их искусственно, но для Ингрид роскошь – неотъемлемая составляющая счастья. Она просто светится от восторга, когда видит зависть в глазах подруг. Здесь даже картины написанные на холстах, а не голографические. Тяжелые рамы напоминают о прошлых веках, и в них изображены легенды Ферверна.

– Прежде чем мы начнем, – голос отца возвращает меня в реальность. – Я бы хотел сказать, что у нас несколько меняются планы на праздничную ночь.

Праздничная ночь – ночь перехода из года в год, отмечается она с прошлого века, по приказу правящего тогда Верховного, который очень любил увеселения. Как-то так получилось, что сам праздник (и подготовка к нему) понравились не только иртханам, но и людям, и с тех пор он прижился, и каждый год отмечается в каждой семье.

– Мы приглашены в загородную резиденцию Ландерстергов.

– О, – выдыхает Ингрид.

Глаза Сильви загораются таким восторгом, что мне кажется, сестра сейчас подпалит дорогущую, заказанную матерью из Фияна, скатерть.

– Да, – продолжает отец. – И в эту же ночь состоится офи-

циальная помолвка.

Хорошо хоть не свадьба, и на том спасибо.

– Лаура? – Он смотрит на меня.

– А?

– Что же ты молчишь?

Да так, боюсь ненароком назвать Его Иртханейшейство Его Наблейшеством[1], а так все в порядке.

– Дар речи потеряла от счастья.

Отец хмурится, но тут в дело вступает Ингрид:

– Юргарн! У нас же нет платьев. У девочек нет платьев…

– Ингрид, у нас еще целый месяц до…

– Всего месяц! Ты представляешь, как сложно найти нормальное платье? Даже если его шить на заказ, мне надо пролистать сто пятьдесят страниц самых разных журналов, чтобы найти хоть что-то мало-мальски достойное!

– Ингрид, ты утрируешь, – качает головой отец. – Тебе нужно всего лишь пригласить стилиста, и он подберет тебя сто пятьдесят вариантов, из которых ты обязательно что-то выберешь.

– Думаешь, это так легко?!

– Гм. Тост, – говорит Дар, поднимая бокал, в котором плещется веоланское. Пузырьки поднимаются на поверхность с легким шипением. – За Лали, благодаря которой мы сегодня все сидим за этим столом.

– За Лали! – хором отзываются все.

Ингрид выглядит недовольной: ужин она всегда считала

целиком и полностью своей заслугой, но Дар своим тостом перекрыл все ее достижения на столовом поприще. Чтобы сгладить эту неловкость, я пробую жаркое.

– Очень вкусно.

– Чудно, – отвечает мачеха кислым тоном.

– И к слову, Ландерстерг отказался беседовать с остальными претендентками, хотя ты, Лали, была третьей.

Я подавилась кусочком, который не успела прожевать. В итоге пару минут семья лицезрела красную меня, которую Дар тщетно хлопал по спине в попытках вернуть к нормальному дыханию.

– Все в порядке? – второй раз за вечер поинтересовался брат.

– Да. Очень дипломатично.

– Ты сейчас о чем? – Отец внимательно на меня смотрит.

– О том, что у него было еще семь прекрасных невест, которых он отказался смотреть.

Почему-то при мысли об этом мне хочется треснуть Его Иртханейшество ноутбуком. Никогда не замечала в себе такого, но его – хочется. Треснуть.

– Невесты и их семьи узнавали об этом за сутки до собеседования. Так что дипломатия тут ни при чем.

Ну да. Конечно!

Дипломатия наше все.

– И раз уж мы заговорили о дипломатии. О выборе Ландерстерг объявит через два дня, и тебе нужно будет присут-

ствовать на встрече с журналистами.

Ингрид бледнеет.

– Юргарн! Два дня!

– Это просто заявление, а не официальная помолвка, – отмахивается отец.

Я слушаю их, и у меня волосы шевелятся от количества приводящих меня в ужас слов. Заявление, журналисты, официальная помолвка, праздничная ночь в загородной резиденции Ландерстергов…

Я не хочу замуж!

Я хочу в шоу «Эрвилль де Олис». Но «Эрвилль де Олис» накроется драконьей задницей в тот самый момент, когда Ландерстерг сделает заявление. Первая ферна Ферверна – и гастроли в ледовом шоу?! Нет, жена Председателя Совета Аронгары, конечно, в свое время была певицей и даже выступала по всему миру, но… но…

Я не хочу замуж!

И если до высокопоставленного дракона это не дошло с первого раза, значит, дойдет со второго. Или я не Лаура Хэдфенгер!

[1] Наблы – падальщики, живут в пустошах. Производное от набла часто используется в качестве ругательства.

Глава 4

На этот раз Айрлэнгер Харддарк встречает меня утренней свежестью. Точнее, утренней свежестью меня встречает Хайрмарг, пока я бегу от парковки до дверей, запахивая полы пальто. В прошлый раз я ничего этого не заметила, но сейчас я подмечаю буквально каждую деталь. И снежную звезду на темно-синем фоне – флаг Ферверна, и дракона, сплавленного из стали, льда и снежного пламени, над линией излома гор – это уже герб Ландерстергов, и четкую, размеренную динамику, которая здесь повсюду. Сотрудники Айрлэнгер Харддарк – и люди, и иртханы сейчас представляются мне винтиками огромного механизма, сплавленными лазером правительственной махины.

– К ферну Ландерстергу, – сдержанно говорю я, когда у секретаря от удивления расширяются глаза.

– Но вы не записаны…

– Уверена, он возражать не станет.

Секретарь теряет дар речи. На миг. Потому что уже в следующее мгновение она говорит:

– Позвольте ваше пальто, ферна Хэдфенгер.

– Не стоит беспокойства, – поворачиваюсь к шкафу. – Я повешу сама.

Пока что в приемной никого больше нет: никого, кроме

нас с ней. Еще бы, на часах нет и восьми, но я решила, что откладывать не стоит. Во-первых, я привыкла решать спорные вопросы сразу, а во-вторых, после обеда у меня консультация по зачету по теории вероятностей. Этой теорией уже давно занимаются машины, но мы все равно ее проходим «чтобы было».

– Хотите кофе? – интересуется секретарь.

– Нет, благодарю, – отвечаю я. – Ферн Ландерстерг у себя?

– Нет. Его пока нет.

Власть опаздывает.

– В таком случае я подожду, – собираюсь уже устроиться на стуле, когда власть входит в приемную и застывает. Точнее, застываем мы оба: этот дракон с ароматом морозной свежести, и я, потому что уже настроилась на «просто спокойно посидеть пять минут».

– Ферна Хэдфенгер, – говорит он, как будто сомневается в том, что у него не галлюцинации.

– Ферн Ландерстерг, – отвечаю я.

Секретарь смотрит на него. Потом на меня.

Первым, разумеется, в себя приходит дракон: широким шагом преодолевая жалкое для него расстояние до двери, распахивает ее и скрывается внутри. Дверь с мягким щелчком закрывается. Потом раскрывается, и меня награждают таким звериным взглядом, что по любой теории (включая теорию вероятностей) мне полагается осыпаться ледяной крошкой, и в таком состоянии просочиться в дверь.

Вопреки этому, в кабинет я прохожу довольно бодрой походкой, и каблучки полусапожек звонко стучат по полу. Правда, стоит мне оказаться в его кабинете, как вокруг ощутимо, градусов так на десять, холодает.

– Соизволите объяснить, что вы делаете здесь в такое время? – произносит он, возвышаясь надо мной и подавляя одним своим ростом.

Вот честно, это нечестно.

– У меня к вам очень важный деловой разговор.

– Важный? – зачем-то уточняет этот дракон.

Я киваю.

– Деловой?

– Деловой.

– В таком случае вы должны знать, что о важных деловых разговорах договариваются заранее.

– О том, чтобы объявить кого-то своей невестой, тоже заранее договариваются с невестой.

Взгляд Ландерстерга тяжелеет, падает на плечи. Каким образом меня еще не впечатало в пол, не представляю, но глаз не отвожу. За то время, что мы играем в гляделки, я успеваю несколько раз покрыться ледяной корочкой, парочку – воспламениться, вспотеть, замерзнуть и еще десять раз вспомнить маму дракона за то, что она его мама. Когда он, наконец, отворачивается и идет к столу, на ходу сбрасывая пальто, у меня получается выдохнуть. Надеюсь, не очень громко, и я тут же перекрываю свой вздох стуком каблуков.

– Мы с вами будем прекрасной парой, – говорит он, даже не глядя в мою сторону.

– Я так не думаю.

– Зря. Вы мне подходите, Лаура. Вы обладаете достаточной смелостью, чтобы войти в мой кабинет без стука и достаточной рассудительностью, чтобы не противопоставлять свои эмоции тому, что не можете изменить. После того, что я в вас увидел, у меня нет никаких сомнений, что из вас получится прекрасная супруга.

Я открываю рот. Потом закрываю. Если это был комплимент, то не подавился он им исключительно чудом: суше этих слов только булка, хранящаяся в музее «Удивительные вещи» в центре Хайрмарга. Этой булке двести пятьдесят лет, она была законсервирована с помощью особого состава производителем (сейчас у его потомков крутая сеть пекарен) и передавалась из поколения в поколение, пока не попала в музей за большие деньги. Кстати, на тему этого до сих пор идут споры, правда этой булке двести пятьдесят лет, или это пиар-ход сети пекарен «Ешь со вкусом».

– О чем задумались, Лаура?

– О булках, – говорю я. – И о маркетинге.

Кажется, это нарушает привычный ход мыслей Ландерстерга, потому что его рука замирает над кнопкой включения ноутбука.

– Крайне последовательно, – произносит он, наконец.

– Вашей последовательности тоже можно только удив-

ляться.

– Что именно показалось вам непоследовательным?

Да он издевается!

– Вчера я сказала о том, что не хочу за вас замуж.

– За меня?

– Вообще! Я вообще не хочу замуж, – говорю я. – У меня впереди целая жизнь, и я не хочу…

– С тем, чего вы не хотите, мы разобрались, – меня перебивают раньше, чем я успеваю закончить.

– Видимо, не до конца. – От его близости по коже тянет холодом, а внутри жаром. Я прямо-таки чувствую, как превращаюсь в гигантское ходячее самопротиворечие, поэтому складываю руки на груди. – Откажитесь от меня, ферн Ландерстерг.

– Я не привык отказываться от выгодных сделок.

Что я там говорила про булку?

У него драконовластие головного мозга!

– Я вам не выгодная сделка, – говорю я. – Я – живой человек, и у меня есть свои чувства. Я уже сказала, что не собираюсь за вас замуж, и вам придется это принять!

В меня ударяет таким холодом, что я не покрываюсь наростами из сосулек только по какой-то счастливой случайности.

– Собираетесь вы за меня замуж, Лаура, или нет, – произносит он, глядя мне в глаза – так четко, что слова собираются крупными льдинками и с хрустом, как под его ботинками,

рассыпаются на кристаллики, – мне все равно.

Сказано это с такой интонацией, что не остается ни малейшего сомнения: ему действительно все равно.

Ах, так?

– Собираетесь вы на мне жениться, ферн Ландерстерг, или нет, – говорю я, возвращая ему его взгляд, – мне все равно.

Разворачиваюсь, иду к двери, но раньше, чем успеваю сделать два шага, по двери и стенам проходит легкая рябь силового щита, запирающего кабинет. То, что мы заблокированы внутри, понимаю, лишь развернувшись к Ландерстергу: он касается панели управления, и она беззвучно втягивается в стол. Глаза дракона темно-синие, но из-за холодного света сверкают металлическим блеском. Совсем как поверхность его стола.

– Вы что сделали?!

– Закрыл дверь. – Ландерстерг опускается в кресло и пододвигает к себе ноутбук. – Есть такая методика переговоров. Когда партнер на эмоциях не готов идти на контакт, ему нужно провести какое-то время в тишине и покое. В раздумьях.

– Вы не имеете права меня здесь удерживать!

– А я вас удерживаю?

Он поднимает голову, взгляд его по-прежнему человеческий, но по ощущениям, в кабинете похолодало еще сильнее. По крайней мере, сейчас я искренне жалею о том, что вообще сняла пальто.

– Вы закрыли дверь.

– Чтобы не позволить вам наделать глупостей.

– Глупостей?!

– Садитесь, Лаура. Нам предстоит долгий день.

Прежде чем я успеваю ответить, Ландерстерг касается коммуникатора:

– Одер, беспокоить только в форс-мажорных ситуациях. Во всех остальных случаях всю информацию переключай на Стенгерберга. Нет, кофе не нужен. Все.

Пока он отдает приказы, я стою с открытым ртом. Когда щелчок коммуникатора возвещает о том, что мы снова остались одни, обретаю дар речи:

– Выпустите меня!

– Только после того, как вас перестанут посещать мысли о том, чтобы расторгнуть наше соглашение.

– Я не заключала с вами никакого соглашения!

– Заключали, Лаура. – Взгляд его скользит по моим ногам, почему-то заставляя их становиться ватными. А еще вспоминать, как вчера платье поползло наверх, открывая край чулок, и потемневший драконий взгляд. Сейчас он примерно такой же, с той лишь разницей, что в морозное напряжение врывается обжигающий жар, от которого становится нечем дышать.

Хотите переговоров? Будут вам переговоры.

Я подхожу к диванчику, стоящему у стеллажей, демонстративно усаживаюсь на него и подтягиваю укороченную

юбку-карандаш повыше. Разумеется, исключительно чтобы сесть. На самом деле край чулок теперь выглядывает гораздо более откровенно, чем вчера. Закидываю ногу на ногу и слышу грохот захлопнутого ящика стола. С таким треском, что я уже приблизительно представляю, как стол разваливается на части, а посреди обломков сидит правящий дракон. Картина настолько привлекательная, что уголки губ сами собой разъезжаются в стороны.

Я достаю телефон и делаю несколько снимков раньше, чем Ландерстерг успевает опомниться.

– Вы что творите?! – рычит он.

– Как – что? – поднимаю на него глаза. – Всего несколько кадров для живой ленты[1]. Вы же знаете, как в наше время ценится уникальный контент.

Прежде чем я успеваю открыть соцсеть, дракон оказывается рядом, а мой телефон – у него. Сам он опирается о спинку дивана, нависая надо мной. Металлический взгляд врезается в мой, проникая в меня так глубоко, что перехватывает дыхание.

– Находите это смешным? – жестко интересуется он.

Его руки слишком близко от моих плеч, а лицо – совершенно точно близко от моего. Хищное, такое же жесткое, как он сам. Одна его ладонь на подлокотнике, под ней – мой телефон, сейчас напоминающий доживающую последние минуты хрупкую пластинку. Вторая – на спинке дивана, поверх моих волос. Я только сейчас это поняла, когда шевельнулась.

Под расстегнутым пиджаком перекатываются литые мышцы, под этим взглядом хочется закрыться… или раскрыться на полную. Подчиняясь этой звериной власти, яростной и стремительной, позволить ему бесстыдно стекать по плечам в вырез блузки.

Пламя иртханов очень притягательно для людей, и на него можно подсесть, притом подсесть основательно. Я всей кожей ощутила, как волоски встали дыбом, а губы вспыхнули, словно в них уже впивались его, оставляя клеймо-ожог.

– Ни разу. Отдайте мой телефон.

– Когда соберетесь домой, Лаура, – произносит он, оттолкнувшись от дивана и выпрямившись, – получите свой телефон обратно. А пока наслаждайтесь.

Внутри меня все еще потряхивает, а усилившееся желание треснуть этого самца дракона планшетом становится совершенно невыносимым.

– А если я захочу в туалет?

– Значит, решение вам придется принимать экстренно, под давлением внешних обстоятельств.

Он возвращается за стол, сомкнувшаяся пасть ящика стола сжирает мой телефон, после чего Ландерстерг погружается в работу. Мне остается только за ним наблюдать: выражение его лица вообще не меняется, эта жесткая маска настолько срослась с хищными чертами, что я даже не представляю, бывает ли он когда-то другим. Например, во время оргазма…

При мысли об этом внутри все вспыхивает, как от прикосновения к лазерному лучу и кажется, даже щеки начинают пылать. Н-ну-у уж нет! Своего мужчину я выберу сама, и своего мужа – тоже. Никаких влечений через драконье пламя, а тем более к тому, кому «все равно»!

Поскольку телефон у меня отобрали, я достаю планшет.

Красноречивый взгляд Ландерстерга в мою сторону заставляет приподнять бровь.

– Что? Здесь нет ваших драконобесподобных фото.

Поскольку дракон по-прежнему смотрит на меня, поясняю:

– У меня завтра зачет. Мне надо готовиться.

– Зачет по чему?

– По теории вероятностей.

– Зачем вам теория вероятности, Лаура? Девушке, которая увлекается танцами на льду и воздушной гимнастикой?

Ну надо же! И это уже выяснил.

– Чтобы рассчитать вероятность того, что наш брак не состоится даже в случае согласия двух сторон и самых благоприятных обстоятельств.

В глазах Ландерстерга снова появляется металлический блеск, но продолжения разговора я не дожидаюсь, утыкаюсь в планшет.

Зачетные материалы отказываются лезть мне в голову, они вообще туда не помещаются, особенно учитывая присутствие дракона, который действует мне на нервы. Правиль-

нее было бы сказать, действует на мои инстинкты, которые совершенно точно обостряются, когда я вхожу в его кабинет.

С этим определенно надо что-то делать. С этим, а еще с тем, что я оказалась в заложниках у драконогада. Когда меня посещает последняя мысль, по стенам вновь проходит легкая рябь. Я замечаю это исключительно потому, что сижу рядом со стеллажами, и легкие блики стекают по зеркальным граням. Ландерстерг поднимается из-за стола.

– Что, экстренная ситуация под давлением внешних обстоятельств? – интересуюсь, глядя на него снизу вверх.

– Нет, – он достает телефон и протягивает мне. – Я провожаю свою невесту.

– Я вам не невеста! – шиплю я, вскакивая с дивана. – И…

– Теперь вы совершенно точно моя невеста. – Дракон касается моего подбородка, и меня снова опаляет льдом. Как от прикосновения к ладони, только гораздо ярче и острее. – Потому что мы с вами провели… – Ландерстерг смотрит на часы. – Почти два часа в закрытом кабинете.

Несколько мгновений до меня доходит смысл его слов. Потом я краснею, бледнею и снова краснею до состоянии сердцевины факела.

– Вы… – шиплю я. – Вы…

Во мне не находится цензурных слов, а те, что находятся, достойны справочника по простонародному фервернскому для раздела «Уровень: виртуоз».

– Я – политик, Лаура, – подсказывает этот… дракон. – И

чем раньше вы это поймете, тем лучше.

– Вы драконья задница!

Вижу, как расширяются его глаза, а потом вылетаю в приемную. Только за дверью понимаю, что сверкающие глаза, пунцовые щеки и скорость, с которой я оттуда вылетела, однозначно говорят в пользу его идеи. За это еще раз пять вспоминаю драконью маму и желаю Ландерстергу родиться обратно. Под взглядами секретарей бросаюсь к шкафу, пытаюсь сорвать с вешалки пальто, и дергаюсь, потому что на мои пальцы ложится сильная ладонь. Если первое прикосновение обожгло, то это заставляет сердце врезаться в ребра, как от удара дефибриллятора. Меня прошивает адреналиновой вспышкой, сквозь каждую клеточку тела прокатывается пламя.

– Одер, вызови Хестора. – Ландерстерг накидывает пальто мне на плечи. – Пусть отвезет ферну Хэдфенгер, куда она попросит.

Секретарь тут же касается коммуникатора.

– С вами свяжутся, Лаура, – сообщают мне в приказном порядке.

После чего разворачиваются и скрываются за дверями кабинета, оставив меня с мыслью о том, что Ландерстерг – полная и безоговорочная драконья задница. А я по уши в ней.

[1] Живая лента – аналог сторис в Инстаграм

Глава 5

– *Л*аура! Лори! Лали! – сестра перебрала все имена, которыми меня когда-либо называли, но я даже вспомнить не могу, о чем она говорила.

Хайрмаргский Государственный Университет, где (и только здесь) достойны были учиться дочери Юргарна Хэдфенгера, располагается в самом центре столицы. Здесь в свое время учился Даргел, как и отец. И мама. Здесь же они познакомились, но для меня это место – всего лишь проходной этап. Когда я поняла, чем хочу заниматься, отец категорически отказался отдавать меня в спорт, но у нас с ним была договоренность. Я заканчиваю университет по специальности менеджмент и маркетинг, чтобы в будущем иметь возможность открыть собственную школу воздушного танца.

О том, что собственной школы у меня не будет, я поняла курсе этак на третьем. Во-первых, преподавательница из меня, как из дракона балерина, а во-вторых, я просто физически не смогу усидеть на месте. Мне не хочется преподавать, мне хочется парить! Как бы там ни было, скоро я защищаю выпускной проект, и моя часть сделки выполнена. И если (а точнее, когда) мне предложат выступать в «Эрвилль де Олис», я уже в ближайший год поеду в гастроли по всему миру!

«Счастливый» брак с Торнгером Ландерстергом в это уравнение ну никак не вписывается!

– Лал? – Сильви толкает меня. – Еще чуть-чуть, и я решу, что ты меня игнорируешь.

– Я просто не совсем проснулась.

– Ты не совсем проснулась? Ты с утра уже бегала к своей Ринаре.

– Она не моя, – автоматически поправляю сестру.

И снова вспоминаю сегодняшний разговор с Ландерстергом. Сильви нужно на пары, а мне на консультацию, и сбежать из дома с утра мне удалось исключительно под предлогом того, что мне надо готовиться к зачету вместе с лучшей подругой. Правда, после визита в Айрлэнгер Харддарк и речи не шло о том, чтобы ехать к Рин. Я попросила выданного мне «счастливым женихом» водителя отвезти меня домой, сказала, что Рин пришлось срочно везти родителям ключи, и вообще врала так вдохновенно, что мне позавидовали бы все политики Ферверна, вместе взятые. Если не всего мира.

После чего закрылась в своей комнате и долго смотрела в потолок, вспоминая всю драконову родню до седьмого хвоста.

Два часа в закрытом кабинете!

«После того, что я в вас увидел, у меня нет никаких сомнений, что из вас получится прекрасная супруга».

Увидел-увидел! Сказала бы я, что он во мне увидел! Краешек чулок, драконофетишист недоделанный!

– Так что? Расскажем сегодня всем? – Сильви мне заговорщицки подмигивает.

– Нет!

Это выходит чуть резче, чем я планировала, но сестра сдаваться не собирается.

– Почему? Слушай, ну вы же завтра вечером все равно об этом объявите, и…

– Потому что, – я качаю головой. – Сильви, нет. Если хоть кто-то об этом узнает…

Сестра надувает губы.

– Зануда ты, Лали.

Может, я и зануда, но свадьбы не будет. Пусть я пока не придумала, как ее избежать, но обязательно придумаю. Поэтому рассказывать не о чем, но говорить об этом сестре – не самый лучший вариант. Не то чтобы Сильви не умеет хранить секреты, но она спит и видит меня женой Ландерстерга, равно как и вся моя семья. Кроме Даргела, может быть.

Водитель на нас косится, и Сильви делает вид, что увлечена поисками чего-то в своей сумочке. Не только из-за водителя, я представляю, как ей хотелось произвести фурор среди однокурсников, поэтому сейчас она на меня дуется.

– Сильви. Силь.

– А? – Она по-прежнему копается в сумке.

– Давай дома об этом поговорим, хорошо?

– А не о чем тут говорить! – выпаливает сестра и вылетает из флайса, едва он садится на парковке. Она летит по

дорожке и скрывается за дверями верхней парковки раньше, чем я успеваю сказать: «Ик», – и выйти из машины.

– Удачного дня, ферна, – желает водитель.

– И вам, – я улыбаюсь.

Все-таки запахиваю полы пальто (когда такое яркое солнце, холода просто зверские), и тоже бегу по дорожкам ко входу.

Хайрмаргский Государственный Университет занимает пять кварталов. Это несколько монументальных высоток, соединенных между собой основным зданием в форме пирамиды. Этаж, где расположена парковка – административный, здесь сидит бухгалтерия, маркетологи и все остальные, кто отвечает за благополучие и статус университета. Ректор, разумеется, тоже обитает здесь.

Стеклянные грани здания отражают свет, поэтому даже несмотря на наличие солнцезащитных очков мне хочется зажмуриться. Я влетаю в холл, окутывающий меня теплом после колючего зимнего дня, прикладываю студенческий пропуск к турникету, здороваюсь с охранником.

Сканирующая капсула пропускает меня внутрь, и перед глазами возникает металлический дракон, вонзающий когти в книгу. Эту символику придумал основатель университета, два века назад. По его мнению, это должно было отображать стремление к знанию, но как по мне, вышел перебор с пафосом. Во-первых, драконы в нашей Академии не учатся: у иртханов свои учебные заведения, а во-вторых, книги

– настоящие, напечатанные – у нас на вес золота, и вместо восхищения у меня желание дать дракону поджопник.

Не только у меня.

Когда я сказала об этом Рин, она смеялась до икоты и чуть не подавилась кофе.

Тем не менее у дракона голографическая чешуя и подсветка, поэтому глаза у него сейчас горят ледяным пламенем. Мощным, яростным, растекающимся от его морды в воздух. Не удержавшись, показываю ему язык (представляя на его месте Ландерстерга), и шагаю к лифтам.

Как раз в тот момент, когда меня перехватывают за локоть.

– Лаура! Надо поговорить.

О нет. Нет-нет-нет.

Оборачиваюсь: передо мной Мистхард во всей красе. Мой бывший парень, с которым я встречалась целых два года. Мой бывший парень, которого я застукала лапающим второкурсницу с экономического факультета. Это случилось пару месяцев назад, и за это время я почти смирилась с тем, что мы с ним больше не пара, и что в новый год пойдем порознь. Все это время он держался от меня подальше, что просто, учитывая, что мы разных факультетах.

Да, он тоже выпускник, но на экономическом. Вот пусть и дальше… экономит.

– Некогда, – отвечаю я.

– Лори, пожалуйста.

– Не пожалуйста.

Я сбрасываю его локоть и иду к лифтам. С идеально прямой спиной, стараясь не думать о том, как он встречал меня в холле, у капсулы безопасности, а потом провожал до аудитории. О том, как в прошлом году мы пили веоланское, встречая год, а потом в центре забрасывали друг друга снежками и катались с горок. Я бы, если честно, с радостью стерла все это из памяти, и ведь мне почти удалось. Точнее, почти удавалось. До настоящей минуты.

– Лори, я был наблом. Правда.

– Правда, – подтверждаю я, не останавливаясь.

Учитывая, что быстро ходить в узкой юбке не представляется возможным, Мисту не приходится особо напрягаться, чтобы идти рядом. Поскольку я на него не смотрю, он забегает вперед и смотрит мне в глаза.

– Лаура. Ну мы же взрослые люди, правда?

Вот теперь я останавливаюсь.

– Да. Совершенно точно. И как взрослая женщина, я говорю тебе – уйди с дороги.

– Лори, я ошибся. Мы все ошибаемся.

– С кем не бывает, – я пытаюсь его обойти, но он не позволяет.

Волосы у него зачесаны назад, уложены по последней моде. Что касается моды, в этом Мистхард всегда был впереди планеты всей, и все в университете за ним повторяли. Девчонки на него западали с первого взгляда: красавчик, как

с Вайшеррских холмов[1] сошел, только в кино сниматься. Высокие скулы, точеная линия губ, стильные прикиды. Мне он всегда казался безумно стильным, но сейчас, глядя на него, я почему-то вспомнила драконью резкость черт Ландерстерга.

С какой радости я вообще их сравниваю?!

Мист воспринимает паузу по-своему и вскидывает руки вверх.

– Лори, я ошибался, – быстро говорит он. – Я действительно ошибся, но когда мы с тобой расстались, я понял, что не хочу и не могу без тебя жить.

– Ты это понял до или после того, как моего отца выбрали? – интересуюсь я, глядя ему в глаза.

Какое-то время он пытается переварить услышанное, а потом выдает:

– Ну ты и ларрка, Хэдфенгер!

– Рада, что мы сразу это прояснили, – сообщаю с милой улыбкой. – Дай пройти.

– Что, теперь я для тебя слишком мелкая сошка? – почти шипит он.

– Угадал.

Теперь уже беспрепятственно его обхожу и, наконец-то, останавливаюсь у лифтов. Здесь десять капсул, но они все время набиваются битком. Сейчас время первой пары (и только что закончилась нулевая), поэтому меня буквально впечатывает в стеклянную стену. По желанию стены мати-

руются – нужно только нажать кнопку на панели, но никто из собравшихся высоты не боится, поэтому мы спускаемся в прозрачной капсуле.

Нужная мне аудитория, где будет проходить консультация перед зачетом, уже заполнена однокурсниками.

– Всем привет! – говорю я и ищу взглядом Рин.

Она вскакивает:

– Подруга!

Под ответные приветствия поднимаюсь на пятый ряд и бросаю сумку на кресло. Только сейчас поняла, что забыла снять пальто.

– Лал? – Рин смотрит на меня. – Что-то случилось?

Случилось. Но про Ландерстерга я пока не готова говорить даже с Рин.

– С Мистом столкнулась в холле.

– Что было нужно этому наблу? – деловито интересуется подруга.

Вот за что я люблю Ринни, так это за то, что она называет вещи и людей своими именами.

– Помириться хотел.

– А. Ну ты как?

– Я… – Я хочу ответить и не успеваю, потому что к нам подходят однокурсники, чтобы поздравить моего отца с назначением, а еще потому, что понимаю, что я по поводу бывшего парня не испытываю никаких чувств. На самом деле я дико боялась праздников, потому что представляла, как ме-

ня может накрыть, а сейчас думаю об этом совершенно спокойно.

О том, что Мистхард с его лапами на заднице второкурсницы остался в прошлом.

В аудиторию врывается звонок и входит преподаватель, это заставляет народ отхлынуть от нашего ряда. Поскрипывают аэростулья, слышны звуки выкладываемых на стул планшетов. На меня еще оборачиваются, поднимают вверх большие пальцы, и я улыбаюсь. Как будто это мне предстоит войти в правление Хайрмарга, но с этим уже ничего нельзя поделать. А вот с тем, что случится завтра, еще можно.

– М? – переспрашивает Ринни, теперь уже шепотом.

В отличие от меня, у нее угольно-черные, прямые волосы, а кожа еще светлее моей. Раскосые темные глаза придают ее лицу привлекательную экзотичность, Ринни об этом знает и прекрасно этим пользуется.

– Все в порядке, – говорю я.

– Точно?

– Точно.

– Ну и ладно, – она достает из сумочки леденец, один сует мне, другой в рот. Шуршит обертка.

Преподаватель смотрит на нас, но Ринни делает вид, что увлечена тем, что он говорит, указывая на голограмму. Мне надо бы сосредоточиться по поводу предстоящего зачета, но я не могу, у меня в голове опять один Ландерстерг, чтоб его драконы сожрали! Нет, ну почему нельзя было сделать все

по-человечески?

В смысле, по-драконовски…

В смысле…

Тьфу!

– А я вот. – Ринни скользит ладонью по столу, демонстрируя мне кольцо.

У меня округляются глаза, в тот самый момент, когда невысокий худосочный ферн Баргман, наш преподаватель по теории вероятностей, повышает голос.

– Ринара Рибельгар!

– Да?

– Вы соизволили прийти ко мне на консультацию, я безумно польщен. И буду польщен еще больше, если вы перестанете отвлекать ферну Хэдфенгер и остальных своими, вне всякого сомнения, важными новостями, до окончания консультации.

– Фа, – отвечает Ринни.

То есть она отвечает «Да», но из-за леденца это звучит как «Фа», и следом раздается хруст. Девчонки на первом ряду хихикают, и по аудитории проносятся смешки. Ферн Баргман открывает было рот, потом закрывает и снова поворачивается к голограмме.

– Так вот, если вы хотите сдать мне зачет, – это звучит почти угрожающе, и смешки сразу стихают, – вам придется…

– Принести жертву богам теории вероятностей. – Ринара произносит это еле слышно, но я все равно улыбаюсь. – Ска-

жи, с тобой сейчас клево дружить?

Я улыбаюсь еще шире. Ринни – одна из тех людей, кому совершенно без разницы статусы и ранги. В том, что ее дружба искренняя, я никогда не сомневалась, и не стану.

– Ешь леденец, – говорит она, все так же, одними губами. – И слушай. Не его. Меня.

Леденец оказывается кисло-сладким, и мне сразу хочется пить. Кислоты в нем столько, что он может перебить даже вкус лици, самого кислючего фрукта, который мне когда-либо доводилось пробовать.

– Так вот, – говорит она, проследив мой устремленный на кольцо взгляд, – Сэфл сделал мне предложение.

– Что?!

– Очешуеть, да. Его предки были не в восторге, и если честно, я думала, они нам все испортят, но тут вышла эта реформа, – Ринни крутит кольцо, – и… вот так все и случилось.

– Поздравляю! – искренне говорю я.

Ринни и Сэфл встречались три года. Он ненамного ее старше, но он – иртхан, и выглядит по-мужски круто. Если честно, сомневаюсь, что им могли что-то испортить, потому что Сэфл решил – Сэфл сделал. Он мергхандар, военнообязанный, причем довольно высокого ранга. И то, что его родители видели в невестах сына иртханессу, для него не играет никакой роли.

– Вообще нормально так, да? – продолжает рассуждать

Ринни. – Раньше связь иртхана с обычной женщиной считалась чем-то гораздо худшим, чем связь иртхана с виари[1].

Я чудом не давлюсь леденцом.

– Так что знаешь, я, пожалуй, и на следующих выборах поддержу Ландерстерга. – Она смотрит на голограмму, вокруг которой бегает преподаватель и плавают закорючки математических формул. – Чего и тебе советую. Хотя ты теперь точно в его лагере, да?

Я глотаю леденец. Целиком. Он застревает у меня в горле, и все, что я могу сделать – это сдавленно икнуть.

– Что? – интересуется Ринни.

– Ничего. – Мой голос напоминает шипение, но леденец уже прошел куда надо. – Все в порядке.

– Ты сегодня это уже второй раз говоришь. Ты знала, что по статистике те, кто чаще всего говорит «Все в порядке», обычно совершенно не в порядке? Шучу, расслабься!

Ринни счастлива, и верный признак того, что она счастлива – как раз то, что она говорит без умолку. Для меня наблюдать за такой Рин сплошное удовольствие, вдвойне удовольствие думать о том, что скоро они с Сэфлом станут мужем и женой. Только сейчас я понимаю, что еще ничего не сказала про «Эрвилль де Олис», открываю было рот, но тут же его закрываю.

Не хочу говорить, пока не будет решен вопрос с Ландерстергом.

– Мы сегодня идем на каток, – говорит она. – Хочешь с

нами?

Хочу! Я действительно туда безумно хочу, не говоря уже о том, что хочу пойти на каток с лучшими друзьями, но мне надо придумать план, как избавиться от замужества. Поскольку вторая сторона не партнер, а оппонент, думать надо в одиночестве, а на это потребуется время.

– Во сколько?

– Вечером, после восьми. Сразу, как Сэфл освободится. Знаешь, там еще будет его друг. – Ринни заговорщицки мне подмигивает. – Он очень хочет научиться кататься на коньках. Возьмешься?

– Эй!

– Да. – Она широко улыбается. – Ты все правильно поняла. Я действительно старая сводница, но у меня личный интерес: я хочу, чтобы в праздничную ночь ты присоединилась к нам уже со своим парнем.

Праздничная ночь… парень…

В моем сознании что-то щелкает, как если в запечатанной плотными жалюзи комнате ночью включить лампочку.

– После восьми мне подходит!

Ринни вскидывает руку, игнорируя кислое лицо преподавателя:

– Заметано!

Я бью в раскрытую ладонь и прячу улыбку.

Ферн Ландерстерг, готовьтесь к сюрпризу!

[1] Вайшеррские холмы находятся в крупнейшем мегаполисе другой страны, Аронгары, и являются символом современной киноиндустрии.

[2] Виары – карликовые драконы. Дикие живут в пустошах, одомашненные содержатся в качестве домашних любимцев. Виари – самка виара

Глава 6

Центральный каток Хайрмарга – это и достопримечательность, и чудо света. Самый большой в мире, он открывается в середине осени, когда минусовая температура уже устанавливается днем и держится без перепадов в ноль и плюс. Это огромное ледяное кольцо, окружающее малый центр столицы, но малый центр – это и без того восемнадцать станций на кольцевой аэроэкспресса. Словом, кататься здесь можно очень долго, любуясь праздничными украшениями и голограммами, протянувшимися вдоль бортиков и надо льдом. Здесь же расположены всякие сувенирные магазинчики и кафе, где можно как посидеть на открытых террасах (аэростулья с подогревом и пледы смягчают даже самые колючие холода), так и взять напитки с собой. Правда, алкоголь, даже самый слабый, проносить на каток нельзя, так что если хочется согреться шантвейном, приходится задержаться в кафе или в ресторане.

Это место – как зимняя сказка, оно словно вырвано из города: справа и слева возвышаются высотки, а ты словно провалилась в сказочную долину со своим особым настроением и атмосферой.

– Фух! Я уже думала, не дождусь. Три аэроэкспресса пришлось пропустить, представляешь? Влезть не могла, – сооб-

щает Ринни, падая на скамейку рядом со мной. Лезет в расчерченную сиреневыми полосами сумку за коньками, и тут же подскакивает.

А потом бросается навстречу приближающемуся Сэфлу и, совершенно не стесняясь, целует его в губы. Я вглядываюсь в лицо идущего рядом с ним мужчины: высокий, темноволосый, он точно так же вглядывается в мое. Я поднимаюсь и шагаю к ним.

– Лаура! – Сэфл машет мне.

В отличие от своего друга, он не очень высокий, на полголовы выше Рин и меня, но военная выправка чувствуется в ширине плеч и в каждом движении. У него волосы как огонь, а пламя ледяное, как и у большинства фервернцев, и цвет глаз как под его силу подбирали – льдисто-голубой.

– Сэфл! – я улыбаюсь.

– Так, прежде чем мы все пойдем кататься, я вынужден предупредить – Бенгарн этого делать не умеет.

– Отличное представление, – смеется его друг. – Но я лучше сам. Лаура? Или ферна Хэдфенгер?

– Ой нет, только не последнее.

У него теплые глаза. Настолько теплые, что кажется даже странным видеть фервернца с глазами цвета расплавленного золота под темным стеклом.

– Отлично. Меня можно звать просто Бен. – Он протягивает мне руку, и я вижу, как в темных глазах вспыхивают искорки пламени. Друг Сэфла тоже иртхан, но насколько

необычная его внешность, настолько необычный и его огонь. Искры не алые, они оранжевые, а это цвет истинного пламени.

Достаточно редкого, ставшего объединением алого с желтым.

Раньше такие знания людям были недоступны, но это раньше. Изменения в нашем мире начались несколько лет назад, с тех пор информацию про пламя иртханов включили даже в школьную программу.

– Здорово, Бен, – я улыбаюсь. – Значит, тебе нужен урок по катанию на коньках?

– Именно, – отвечает он. В глазах пляшут смешинки. – Что нам потребуется для начала?

– Для начала нам потребуются коньки.

– Их у меня нет.

– Зато вот там есть прокат, – я указываю на вывеску.

– Поможешь мне с выбором?

Я смотрю ему в глаза и понимаю, что с удовольствием продолжила бы наше знакомство. С другой стороны, почему продолжила бы?! Когда все закончится с Ландерстергом, я действительно буду свободна. Да о чем я вообще?! Я и сейчас свободна, просто кто-то решил, что я его собственность, потому что идеально ему подхожу и из меня получится «прекрасная супруга».

Настроение стремительно падает, примерно как показатели на внешних термометрах, когда приходит Ледяная волна.

Обычно она случается ближе к концу зимы, город накрывает безветрием и морозами, как если бы мы попали под дыхание ледяного дракона. Морозы такие, что выходить на улицы без специальных масок нельзя, температура критическая, и пара минут без защиты может закончиться очень плачевно.

Обычно большинство фервернцев предпочитают брать отпуска на этот сезон, и разъезжаются по теплым странам, либо в города с более мягким климатом. На этот период во всех школах каникулы, во всех университетах не ставятся пропуски (при учете, что все сдаешь, разумеется). Оставшиеся в городе либо сидят по домам и в офисах, либо «переезжают» в торговые центры. Выручка в такие дни чуть ли не выше, чем на предпраздничных неделях, то есть сейчас.

– Разумеется, – отвечаю. – Рин…

– Я не дам никому стащить твои коньки, – смеется подруга. – Даже Сэфлу.

Сэфл притягивает ее к себе и кусает за мочку уха под плотной шерстяной повязкой, Рин наигранно вскрикивает, а он уже целует ее в губы. В эту минуту я отчетливо понимаю, что хочу так же: целоваться прямо на морозе, не думая о том, что губы потом надо срочно спасать плотной защитной помадой, дурачиться, сходить с ума только от одного присутствия рядом любимого человека.

А не вот это вот все: «Вы обладаете достаточной смелостью, чтобы войти в мой кабинет без стука и достаточной рассудительностью, чтобы не противопоставлять свои эмо-

ции тому, что не можете изменить», – и уж точно не взглядов, под которыми превращаешься в горку льда и покрываешься снегом даже в самый солнечный день.

– Сэфл сказал, что ты с детства катаешься? – спрашивает Бен, когда мы идем по голографическим стрелочками, парящим в воздухе: «Прокат коньков».

– Да. С трех лет.

– С трех лет?!

Киваю.

– Мне кажется, я родилась с мыслью, что должна кататься.

– Супер, – говорит он, – а я родился с мыслью, что должен спасать жизни. В четыре уже бинтовал все порезы и лепил заживляющие пластины.

– Ты врач?!

Бен кивает.

– Невероятно!

– Что именно?

– Что… да не знаю. У меня никогда в жизни не было знакомого врача. Юристы, экономисты, маркетологи…

Он улыбается, останавливается перед дверью проката, чтобы меня пропустить, а я понимаю, что не должна туда заходить вместе с ним, пока не скажу правду. То есть когда я сюда летела, я все это представляла совсем по-другому. И его представляла другим, хотя если честно, я не представляла его никаким. Он просто был безымянным другом Сэфла, с которым я появлюсь на катке в определенное время, кото-

рого буду держать под ручку, и с которым сделаю фото для соцсети.

Но сейчас мне от всего этого тошно. Да, я учусь на маркетинговом и тема моей дипломной работы «Хайп как способ продвижения проекта», но я не хочу становиться такой же, как Ландерстерг. Не хочу становиться для него «прекрасной супругой».

– Бен, мне нужно кое-что тебе сказать, – говорю я.

– Звучит серьезно, – он приподнимает брови.

Но в глазах все равно улыбка. Я в жизни не встречала такого позитивного человека… или иртхана.

– Да, я…

Я хочу сказать ему то, что не сказала даже Рин, ему, мужчине, которого знаю пять минут, но потом понимаю, что ничего не должна говорить. Я не давала Ландерстергу согласия на то, чтобы стать его женой. Фото в соцсети не будет, а значит, я могу просто отдыхать и наслаждаться вечером.

– Ты знал, что для катания нужны особенные коньки? – спрашиваю я.

– Совершенно точно… нет.

– Теперь знаешь, – я улыбаюсь в ответ.

И первой шагаю в раздвижные двери.

Меня окутывает волна тепла, я останавливаюсь перед интерактивным стендом, где можно выбрать коньки (на любой размер, вкус и цвет). Повезло, что нет очереди, по крайней мере, именно в этом пункте проката. Частенько по вечерам,

а особенно по выходным здесь не протолкнуться. Мы с Рин сюда не заходим, у нас свои коньки, но когда катаемся мимо, видим кренделек, тянущийся к дверям.

– Так, и что здесь что? – Бен встает рядом со мной.

– Тебе нужны самые обычные коньки. Можно взять прогулочные, но если ты намерен серьезно учиться, лучше начинать с фигурных.

– А чем они отличаются?

– Здесь есть зубцы. Видишь? – Я скольжу пальцами по интерактивной панели. – Вот.

Увеличиваю изображение. Затем второе.

– На этих нет. Но учиться лучше сразу на фигурных, чтобы ты мог исполнять некоторые несложные элементы.

– Боюсь, что единственным элементом в моем исполнении будет полет носом вперед надо льдом.

Я смеюсь.

– Тебе это только кажется. Берем?

– Берем!

Мы выбираем фигурные, несколько размеров, и проходим к ячейкам выдачи. Здесь же нужно будет оплатить выбранную пару после примерки. Пока Бен примеряет, я разглядываю движение на катке через стеклянные двери. Мне кажется, оно никогда не затихает, даже ночами. Каток работает круглосуточно, как и прокат, и, хотя я ни разу не каталась ночами, мне это кажется на удивление притягательным. Ты одна, а вокруг море льда и иглы сияющих огнями высоток.

– Я определился, – сообщает Бен и показывает на темно-синие коньки с белыми полосами. – Пойдет?

– Вполне.

Карточка на оплату примагничена к стенке шкафчика, Бен забирает ее и оплачивает прокат тут же, в терминале. Как раз в тот момент, когда в прокат вваливается целая компания раскрасневшихся девушек. Они что-то громко обсуждают, но заметив Бена, тут же понижают голоса и бросают на него взгляды из-под ресниц.

Мне иррационально хочется взять его за руку, но раньше это делает он.

– Обещай, что не позволишь мне опозориться.

– Пф, – говорю я. – Когда я первый раз встала на коньки, я упала раз двадцать, не меньше.

– Тебе было три года!

– Думаешь, в три года поражения воспринимаются менее серьезно?

Теперь уже смеется он, а у меня такое чувство, что я знаю его всю жизнь. Мы возвращаемся к скамейке, где оставили Ринни с ее будущим мужем: они уже надели коньки и пьют безалкогольный шантвейн. Аромат от него такой зимний, что сразу представляется опутанная искрящимися лентами ель, разукрашенная сверкающими игрушками. Здесь, кстати, она уже есть, в самом центре катка, ее установили пару недель назад.

– Вы там что делали? – интересуется Рин со смехом. – Я

уже всю жо отморозила.

– Мы подошли к выбору со всей ответственностью, – замечает Бен.

– Вам еще повезло, что там не было очереди, – добавляю.

– Э… да они спелись, по ходу. – Ринни смотрит на Сэфла. – Кажется, мы сегодня играем командами.

Сэфл забирает у нее пустой пластиковый стаканчик с плотной крышкой, и кидает вместе со своим в специальный контейнер. Пока я надеваю коньки, Бен смотрит на меня, как я их шнурую, и от этого взгляда почему-то покалывает кончики пальцев. Зимнее настроение создает ощущение нереальности происходящего, и мне кажется, что все, что случится сегодня – это как короткая праздничная сказка.

Мы подходим к выходу на каток, пропускаем вперед Ринни и Сэфла.

– Снимай защиту, – командую я. – И давай мне.

Бен не захватил сумку, поэтому чехлы для коньков я убираю в свою.

– Помочь? – спрашивает он. А потом перехватывает сумку и вешает к себе на плечо. – Так тебе будет проще меня держать.

Мне на самом деле смешно. Он держится за бортик, такой взрослый солидный мужчина, врач – и смотрит на меня большими глазами.

– Нечего отлынивать, – отвечаю. – Шагай.

И первой выхожу на лед.

Движение, общий ритм, легкость скольжения тут же подхватывают меня. Мне хочется взлететь над катком, хочется танцевать, пусть даже сегодня я взяла старые фигурные коньки, а те, что для танцев, остались дома. Музыка льется из динамиков, врывается в мое сердце, и мне кажется, что отпустить ее я могу только в движении, раскинув руки и взлетая в прыжке. Сколько себя помню, так было всегда.

– Лаура? – голос Бена возвращает меня в реальность.

Ринни смеется.

– Ну, мы погнали. Догоняйте! – Они с Сэфлом вливаются в общий поток движения, а я улыбаюсь и протягиваю Бену руку.

– Поехали.

– Что, прямо вот так?

– Да, вот так!

Его пальцы сжимают мои, второй ладонью он цепляется за бортик.

– Видишь вон ту черту? – говорю я ему, указывая на красную линию, отделяющую голографическую стену от реальной. – Там тебе станет не за что держаться. Это значит, что…

– До моего позора осталось десять метров.

Я качаю головой.

– Поехали!

Решительно отталкиваюсь – ему остается либо отпустить мою руку, либо скользить вместе со мной. Мне самой интересно, что он выберет, и Бен выбирает второе.

– Чуть согни колени. Так будет проще.

– Уверена?

– Сто процентов.

Для того, кто первый раз стоит на льду, особенно для мужчины, он держится потрясающе. Очень ровно. Хотя напряжение чувствуется через силу его пальцев, сжимающих мои.

– Так, ну и как же получилось, что фервернец ни разу не стоял на коньках? – интересуюсь я, чтобы его отвлечь.

– Вообще-то я не фервернец.

– Нет?

– Я родился в Рагране. Моя семья переехала сюда, когда мне было два года, но у меня до сих пор гражданство Раграна.

– Оу. Понятно.

Рагран – одна из континентальных стран, уровень жизни там значительно ниже, чем в Ферверне или в Аронгаре, но сейчас ситуация уже значительно лучше, чем была, скажем, еще лет десять-пятнадцать назад. Один из самых страшных налетов современности случился в Мериуже, столице Раграна. Это была трагедия мирового масштаба, после чего полетели головы. Буквально. Правящий был снят и чуть ли не изгнан обществом иртханов, в миротворческой миссии участвовали все страны-соседи, Аронгара и Ферверн.

– Да, поэтому у меня периодически возникают бюрократические проволочки с клиникой. – Бен сосредоточенно смотрит вперед. Так сосредоточенно, словно видит не ката-

ющихся людей, а всех вместе взятых бюрократов.

Какое-то время мы катаемся молча (не считая моих комментариев о том, когда лучше податься вперед, как правильно ставить ноги и как держать равновесие), и он держится классно! Отличный баланс, потрясающая координация и реакция. Наверное, иртханам в этом плане проще – у них звериные инстинкты, но ручаться не могу. Как бы там ни было, он вспоминает о том, что мы проехали голографический «барьер» только оказавшись у очередного бортика. Здесь специальная ледовая площадка для кругового катания, дорожка огибает его справа, а слева у бортика толпятся отдыхающие.

– Перерыв? – спрашиваю я.

– Перерыв, – соглашается он.

– Ну, как проходит обучение? – раскрасневшиеся и счастливые, к нам подъезжают Сэфл и Ринни.

– Чудесно. Я чувствую себя камнем, который Лауре приходится тащить на веревочке. – Бен снова улыбается.

– Эй! Ты отлично катаешься.

– У меня ощущение, что я все время тебя торможу.

– Рядом с ней у всех такое ощущение, – говорит Ринни, и изо рта у нее вырывается облачко пара. – Она все время куда-то летит, когда выходит на лед.

– Почему ты не пошла в спорт? – спрашивает Бен.

– Спорт меня никогда не привлекал.

– Почему?

– Соревнования. Я не хотела превращать то, что люблю, в гонку за медалями и первыми местами.

Бен приподнимает брови.

– Скажем дружное нет амбициям?

– О-о-о, с амбициями у меня все в порядке. Просто спорт – это не мое. Отец считал, что я поломаюсь, если пойду в фигурное катание, а я поняла, что действительно поломаюсь, если буду гоняться за медалями и успехом.

– Глубоко, – произнес Бен, и как-то так получилось, что его ответ упал в тишину, возникшую в паузе между песнями.

Которую спустя несколько мгновений заполнили сильные, пронзительные аккорды льющейся из динамиков музыки нового суперхита и яростный голос Сибриллы Ритхарсон.

Твои поцелуи
Как сны до рассвета…
И в каждом касании
Вечное лето!
Сильнее, чем пламя,
Зима в моем сердце…
Ты был тем единственным
С которым согреться…
Могла бы я тогда,
Когда меня любить
Ты б мог
На треть так сильно, как ее!
Могла бы рядом быть,

Могла бы все забыть…
Но это «все» давно забытое мое…
Пустое.
Пустое.
В моих мечтах с тобой
Нас только двое…
Двое.
Нас только двое: я и ты…

– Ритхарсон! – Рин прижала руки к груди. – Драконы, Ритхарсон! Обожаю ее! Лаура!

– Что?

– Лаура, ты должна под нее станцевать! Давай!

Рин чуть ли не силой выпихнула меня в центр круговой площадки, но если бы она этого не сделала, вряд ли бы я удержалась сама. В голосе певицы было что-то гораздо большее, чем можно себе представить. Что-то большее чем чувства, большее чем пламя (Сибрилла Ритхарсон – иртханесса!), гораздо большее, чем можно раскрывать остальным – так откровенно, напоказ, так остро и безумно-чувственно.

И я подхватила этот ритм, сливаясь с музыкой, сливаясь с этим голосом, становясь ей. Раскинув руки, врываясь в безумный ритм кружения и полета по льду.

Забытые чувства…
Замерзшие ноты,

Мне кажется даже
Забыла я, кто ты.
Забыла я, кем ты
Когда-то врывался
В те строчки, в которых
Навеки остался…

Ее голос обрывался так резко, словно дыхание, и я вместе с ним сорвалась в припев. В движения по диагонали, рваные и яростные, как обращение к тому, кто тебя не слышит. Лица и магазинчики сувениров сливались с протянувшимися над катком огоньками гирлянд, голограммы размывались все сильнее, а я чувствовала себя все более и более невесомой. Скользя по льду, я всегда чувствовала себя парящей.

И если бы это
Запомнить мгновенье,
Заполнить собою
Твое вдохновенье.
Сильнее морозов
В моем сердце стужа.
Ты был тем единственным…
Кто был мне нужен…

Могла бы я тогда
Когда меня любить

Ты б мог
На треть так сильно, как ее
Могла бы рядом быть
Могла бы все забыть
Но это «все» давно забытое мое…
Пустое.
Пустое.
В моих мечтах с тобой
Нас только двое.
Двое.
Нас только двое: я и ты…

Музыка стучала в ушах старинными часами и билась в ритме ударов сердца, заводя мое все сильнее. Темп нарастал, и вместе с ним нарастали чувства. Падая вслед за звонкими нотами в глубину, я перехватила лезвие, чтобы кружиться на этой глубине, поднимаясь от самого льда все выше и выше. Чтобы во время очередного скольжения оттолкнуться и взлететь, раскинув руки, впуская в себя чужие чувства и пламя.

Закончится время
Моих выступлений…
И снова наступит
Зима превращений.
Когда я останусь

Одна с этой мыслью
Что нет больше пламени
Нет больше смысла…

Приземление вышло яростным, из-под лезвий плеснула крошка льда, и вслед за ней полыхнуло пламя ее слов, подхватывая меня в сумасшедшее кружение танца. До прерывающегося дыхания, до мельтешения, в котором не осталось ни одного четкого лица. Только тень мужской фигуры, отступающая все дальше и дальше.

Могла бы я тогда
Когда меня любить
Ты б мог
На треть так сильно, как ее
Могла бы рядом быть
Могла бы все забыть
Но это «все» давно забытое мое…
Пустое.
Пустое.
В моих мечтах с тобой
Нас только двое.
Двое.
Нас только двое: я и ты…

Музыка оборвалась вместе с последним взмахом руки, резко развернувшись, я остановилась. Поймав очередной вздох и брызги ледяной россыпи. Только сейчас поняла, что

движения вокруг как-то не наблюдается. А потом, вместе с очередной песней, вокруг взорвались аплодисменты.

Они хлынули на меня сплошным потоком, и осознание того, что вокруг безумное множество людей, что они на меня смотрят, заставило замереть.

– Лаура, – Бен оказался рядом со мной раньше, чем я успела опомниться, – это было роскошно.

Он подхватил меня под руку, увлекая за собой. Сквозь льющиеся отголоски оваций, отзывающиеся в сердце, как мгновением раньше отзывался голос Сибриллы Ритхарсон.

– Да, подруга, ну ты и зажгла, – сообщила Рин, пряча руки в карманы курточки. – Вы вообще в курсе, что у Ритхарсон была несчастная любовь?

Я приподняла брови, пытаясь выровнять дыхание и избавиться от странного чувства смущения и восторга. Нет, мне приходилось несколько раз выступать, но все это было скорее из разряда самодеятельности – выпускной в школе фигурного катания, синхронные воздушные танцы в школе, где я стекала по лентам, оплетающим мое тело, и с ними же взлетала ввысь, но чего-то по-настоящему серьезного, такого, чтобы это видело столько незнакомых людей… Да, я часто каталась, и на меня часто смотрели, но никогда еще я не ощущала себя настолько близкой к шоу Эрвилль де Олис.

– Несчастная любовь? – переспросила, чтобы немного смягчить бурлящий в крови драйв.

– Да. Она собиралась замуж за Гранхарсена… помнишь,

пять лет назад или вроде того? Когда предшественник Ландерстерга собирался в отставку?

Вот. Я поняла, что можно использовать, чтобы смягчать бурлящий в крови драйв – Ландерстерга. Одно его упоминание, и я уже прочно стою на ногах, как будто к ним по ледяной глыбе привязали.

– В общем, она крута, – подвела итог Рин. – Набла с два ты так споешь, если у тебя нет занозы в сердце.

– То есть счастливые люди ничего мощного не создадут? – поинтересовалась я.

– Ну… настолько мощного – нет, – подруга пожала плечами. – Сама подумай, зачем суетиться, если в жизни все пучком? А главное, попробуй так спеть, когда ты счастлива, замужем и с тремя детьми.

– Это сейчас прозвучало пессимистично, – Сэфл рассмеялся.

– Ой, да ну тебя. – Рин махнула рукой и посмотрела на меня. – Я о том, что когда ты счастлива, петь об этом не прикольно. Кстати, я записала твой эпичный выход и выложила в живую ленту.

– Что? – переспрашиваю я. – Что ты сделала?!

– Выложила в живую ленту, – повторяет подруга. – Вот. Хочешь посмотреть?

Я хватаю ее за руку с такой силой, что Рин ойкает.

– Удали, – говорю шепотом. – Удали, быстро!

Мой голос становится низким, мне кажется, что я проглатываю собственный вздох, и только расширенные глаза подруги напоминают о том, где я и что я делаю.

– Прости, – выдыхаю тут же. – Прости, просто удали это, о'кей?

– О'кей, – говорит Рин. – Хотя я все равно не понимаю, что в этом такого страшного.

Ничего в этом такого страшного, в начале вечера я сама хотела это сделать, но сейчас не хочу. Не хочу, чтобы у Бена были проблемы, или чтобы проблемы были у Рин и Сэфла. Я вообще не хочу приплетать друзей ко всему, что так или иначе связано с Ландерстергом. Поэтому сейчас беззастенчиво вру:

– Это из-за отца.

Образно говоря, это даже не ложь, а так, полуправда. Дипломатическая, как сказал бы Ландерстерг. При мысли о нем мне хочется рычать – сдался мне это Ландерррстерррг!

Нет, мне он точно не сдался. Проблема в том, что я зачем-то сдалась ему, хотя вокруг просто сугробы желающих стать первой ферной Ферверна. Уверена, что та иртханесса, которая вылетела из его кабинета и спровоцировала меня на то, чтобы туда залететь, тоже не против.

Чтоб его драконы покусали!

– Из-за отца? – интересуется Бен.

– А ты не знал? – Сэфл приподнимает брови. – Лаура. Хэдфенгер.

– Хэдфенгер! – Бен бьет себя ладонью по лбу. – Я просто сама внимательность.

– Все в порядке, – говорю я.

Мне хочется как можно быстрее увести от темы политики, пусть даже это мой отец. Рин приподнимает брови и вопросительно смотрит на меня, но я отмахиваюсь.

– Катаемся дальше?

И мы катаемся. Бен несколько раз поскальзывается, но все заканчивается благополучно. До елки мы все-таки добираемся: огромная, в десять этажей ростом, она рассыпает вокруг себя свет гирлянд и искры, отражающиеся в гранях шаров и игрушек. Издалека ее видно лучше, когда подъезжаешь ближе, приходится запрокидывать голову, чтобы увидеть что-то наверху. От собранных в металлические трубы ветвей расходятся нити фонариков, протянувшиеся над ведущие в разные стороны рукавами катков. Это единственное место, где ледяные трассы сходятся, и если посмотреть на каток с высоты, он напоминает знак бесконечности. Елка стоит в самом его центре.

– Кстати, – говорит Рин, – давайте договоримся: я хочу отмечать с вами. Поэтому если у кого-то есть какие-то планы на праздничную ночь…

– У меня нет! – Бен вскидывает руки.

– У меня есть, – Сэфл качает головой.

Подруга смотрит на него в упор, в ответ он только смеется.

– Я тоже собираюсь отмечать с тобой.

Ему прилетает сорванной с его головы шапкой по плечу. Он легко перехватывает Рин за руки, а потом одним рывком притягивает к себе и целует.

– Мне кажется, мы тут лишние. – Бен кивает в сторону, и мы снова отъезжаем к бортикам. Здесь рядом с ними выделено место для отдыха, можно откинуть встроенную скамеечку и даже посидеть.

Что мы и делаем.

– Так что, Лаура? Какие у тебя планы на праздничную ночь?

«Никаких», – хочется ответить мне, но вместо этого я говорю:

– Пока все очень расплывчато.

– Пока? – улыбается Бен.

– Да. Завтра все станет ясно.

Завтра станет ясно, что за Ландерстерга я не выхожу. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Правда, пока не представляю, как донести это до сведения его иртханейшества, но я в процессе генерации нового плана.

– До завтра я подожду.

– А, то есть если бы я сказала, что ждать придется две недели, ты бы не подождал?

– Две недели – это слишком долго, Лаура. Обычно да или нет говорят сразу.

Ответить я не успеваю, к нам подъезжают Рин с Сэфлом. У подруги горят щеки и губы, но если первое от мороза, то

второе совершенно точно никак с морозом не связано. Назад мы возвращаемся вдоль катка, глядя на кружащихся и катающихся людей, болтаем о праздничном меню, и Сэфл с Рин спорят на тему марок веоланского. По большому счету, их не так уж много, все веоланское производят в Веоле, это один из мегаполисов Раграна, и именно там впервые появился этот напиток, впоследствии завоевавший такую популярность и ставший символом любого праздника или успеха.

– Хочешь шантвейн? – спрашивает Бен, когда мы проходим мимо магазинчика, откуда совершенно безумно пахнет специями и пряностями.

Наверное, стоило отказаться, но мне не хочется. Не хочется заканчивать этот вечер, хочется продлить это зимнее волшебство.

Пока нам готовят шантвейн, мы выбираем подарок: к каждому напитку полагается либо маленький пряник с рисунком, либо пакетик воздушных пирожных размером с подушечку пальца, тающих на языке. Я выбираю второе, Бен берет пряник.

– Не каждый день отгрызаешь верхушку Айрлэнгер Харддарк, – говорит он.

На глазури действительно один из символов Хайрмарга, и мне становится смешно.

– Мне такой же, – тянусь за пряником, разворачиваю и кусаю.

Представляя, что откусываю голову Ландерстергу. Нет, я

не кровожадная, просто в последнее время у меня чувство, что он меня сожрет и не подавится. Вот и я тоже не подавлюсь!

«Собираетесь вы меня за замуж, Лаура, или нет, мне все равно».

Стоит вспомнить выражение драконьей морды и его непробиваемые интонации, как голову хочется отгрызть еще сильнее. Вторую часть пряника я съедаю с таким наслаждением, что хочется урчать от восторга.

Вместо этого я запиваю Ландерстерга, то есть пряник, шантвейном, мы желаем улыбчивой девушке в форменном ярко-оранжевом платье и белом фартучке сказочного праздника, и выходим из магазинчика.

– Так, – говорит Рин. – Если завтра я опоздаю на теорию вероятностей, я знаю, на кого все спихну.

Я приподнимаю брови.

– Скажу, что Хэдфенгер полчаса пила шантвейн на катке, поэтому я опоздала на последний аэроэкспресс и проспала.

Я смеюсь.

– Думаешь, прокатит?

– Прокатит-не прокатит, а попробовать стоит.

Бену нужно вернуть коньки, и я иду вместе с ним. У самых дверей мы останавливаемся, чтобы выбросить пустые стаканчики, и он подает ко мне. Касается пальцами уголка моих губ:

– У тебя здесь остатки Айрлэнгер Харддарк.

– Большие?

– Нет.

Бен подается еще ближе, и в какой-то момент я чувствую, что он меня поцелует. Думаю, что этого делать нельзя, и в эту минуту за нашими спинами вырастают внушительные фигуры мергхандаров. Последнее я понимаю, когда мы Беном одновременно оборачиваемся на протянувшиеся к нам тени.

Это не просто мергхандары, это – элита.

Безопасность Айрлэнгер Харддарк и правительства.

И возглавляет их стоящий впереди Ландерстерг.

Глава 7

От него веет холодом (если можно так выразиться в самом центре ледяного сердца Ферверна), и этот холод заставляет чувствовать себя так, словно меня обнаженную выкинули на пик Рэгссом в Ледяной цепи. Голова начинает кружиться примерно так же, как от недостатка кислорода на горной высоте, на языке что-то горчит, а еще скоро глюки попрут, я думаю.

– Лаура, – произносит, наконец, этот хмырь. Я прямо чувствую, как в его исполнении мое имя с хрустом разламывается на две части и замерзающими на лету буковками осыпается к ногам. – Идем.

Это приказ.

Не тот, который иртханы отдают драконам, потому что ментальное воздействие на людей запрещено, но тот, который нужно исполнить незамедлительно.

От «никуда я с вами не пойду» меня отделяет секунда и мысль об отце. Кажется, еще Бен, который стоит рядом, и Рин, и Сэфл… и скандал. Часть меня заявляет – какое мне дело до скандала, вторая часть тут же привычно берет себя в руки, и лицо по ощущениям превращается в маску.

– Прости, – говорю я совершенно ошарашенному Бену, а потом вкладываю руку в протянутую мне ладонь. Странно,

что я не подумала про Даргела, эта мысль приходит ко мне, когда я в сопровождении Ландерстерга и конвоя… то есть сопровождения, конечно же, иду в сторону парковки.

На нас смотрят все. Не просто все, а ВСЕ. Кажется, даже движение на катке остановилось, а еще я вдруг отчетливо понимаю, что Рин с Сэфлом тоже на меня смотрят.

– Мне нужно забрать коньки, – говорю я совершенно не то, что собиралась.

– Где?

– Здесь! – Мне хочется треснуть его спортивной сумкой по голове, чтобы прочитать хоть одну эмоцию на этом лице, но ситуация как-то не располагает. Я вглядываюсь в лицо Рин – растерянное, шокированное, чтобы хоть как-то понять, что она сейчас чувствует, но подруга отводит глаза. Сэфл так вообще вытягивается в струну, но у него это военное, а Ландерстерг главнокомандующий Ферверна.

– Это? – Дракон указывает на сумку, на которой изображен силуэт парящей девушки.

– Да. Я хочу поговорить с друзьями.

– Нет.

Все это происходит так быстро, что я успеваю только вздохнуть, а спустя пару минут уже оказываюсь во флайсе. У отца довольно крутой флайс, но в таких я раньше еще не летала. Двойное стекло, огнеупорное и светоотражающее, способное выдержать удар лазерного луча (над этой разработкой наши ученые долгое время трудились после случая покуше-

ния на семью Председателя в Аронгаре). Просторный салон, в котором при желании можно танцевать, сиденья, которые подстраиваются под изгибы твоего тела.

– Вам обязательно было это делать? – я складываю руки на груди, когда мы поднимаемся в воздух.

– А тебе? – вопрос он задает, глядя на меня в упор. Потом разворачивает ко мне смартфон, и на нем – я, летящая надо льдом под песню Сибриллы. Кажется, меня снимали все, кто только мог: не сразу, но с середины точно. Вот что за идиотская привычка – все снимать и тут же тащить в соцсеть?!

– Я сразу сказала, что не хочу за вас замуж!

– А я сразу сказал, что меня это не волнует.

– У вас вообще сердце есть?! – я выдыхаю это раньше, чем успеваю прикусить язык: нет мне никакого дела до драконьего сердца, а вот до оставшихся внизу друзей и до того, что они сейчас думают – точно есть, но ему на это плевать! Ему вообще плевать на то, что я чувствую!

– Вы могли сделать это иначе, – я сжимаю пальцы, чтобы не наговорить лишнего. Хотя в случае с его драконейшеством лишнее точнее лишним не будет!

– Ты тоже. – Он по-прежнему держит смартфон так, чтобы я могла видеть подошедшего ко мне после танца Бена. – Не стоит играть со мной в игры, Лаура. Или ты думаешь, что я не в состоянии отследить, чем занята моя невеста?

– Я. Не. Ваша. Невеста! – шиплю я.

– Завтра станешь.

– Да что вас на мне заклинило?! Неужели нет других желающих разделить эту сомнительную честь?! – мой голос все-таки срывается, и тут же мгновенно поднимается перегородка, отделяющая нас от водителя.

Дракон подается вперед одним резким движением, а может, едва движется – я не совсем улавливаю этот момент. Его пальцы сжимают мой подбородок, и он смотрит точно мне в глаза, а я как будто смотрю в прицелы ледяных пушек. Никогда бы не подумала, что синий цвет может быть таким холодным, но он может, и сейчас он напоминает подступающие зимние сумерки в период Ледяной волны.

– Я сказал, что не намерен играть с тобой в игры, и больше повторять не стану, – произносит Ландерстерг. – Мы друг друга поняли, Лаура?

Я стряхиваю его руку.

– Поняли, ферн Ландерстерг.

– Вот и чудесно.

В том, что это чудесно, я сомневаюсь, но продолжать этот разговор нет никакого желания. Я подаюсь назад и смотрю на мельтешащий огнями Хайрмарг.

– Завтра ты сдаешь зачет, – произносит Ландерстерг. – К двум должна быть дома. В три приедут стилист и мой пресс-секретарь, вы обсудите детали завтрашнего вечера. В семь ты должна быть на месте, в семь тридцать сделаем заявление.

Я сделала вид, что ничего не слышала, уставившись в окно. Сопровождающий нас кортеж маячил сбоку, спереди и

сзади. Сейчас я думала о том, что могла бы сделать, если бы от меня не зависела карьера отца. Например, залепить снежком дракону в нос. А потом выразительно показать непристойный жест и пойти гулять с Беном.

При мыслях о Бене залепить в драконий нос снежком захотелось еще сильнее.

– Если вздумаешь выкинуть что-то еще, отвечать будут все участники событий.

Он говорит о моих друзьях?! Он говорит о моих друзьях!

– Они не виноваты в том, что я сделала!

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– А вы? – я посмотрела на него. – Вы понимаете, что нельзя пользоваться властью направо и налево?

– Властью можно и нужно пользоваться, Лаура. В противном случае ей воспользуется кто-то другой.

– Да неужели? – язвительно поинтересовалась я.

Дракон не ответил: наконец-то перестал демонстрировать мне свой элитный Верт[1] последней модели и уткнулся в него.

– В постели вы тоже будете проверять новостные сводки?

А вот это сработало. У него дернулась бровь и уголок губ, когда Ландерстерг поднял на меня голову, взгляд у него был тяжелый.

– Не искушай меня.

– Что? Проверять новостные сводки? – поинтересовалась я. – Да вы и так в них живете! Зачем вам вообще жена? Дра-

конят делать?!

На этот раз я отвернулась первой и полезла за телефоном. Мне нужно было написать Рин, хоть что-то, хотя пока я не представляла, что. Открыла чат с сообщениями, где последнее было от нее: «Уже выхожу», – и смайлик с летящим на всех парах драконом. Закусила губу и написала:

Рин, я тебе все объясню.

Не знаю, чего я ждала – ответа, конечно, ну хоть какого-нибудь, но Рин не ответила. Звонить ей при этом бронебойном чешуекрылом я точно не собиралась, поэтому сунула телефон в сумку и подняла голову. Вот только вопреки моим ожиданиям мы от центра не удалялись, а углублялись. Учитывая, что живу я в очень крутом спальном районе, это был совершенно непонятный обходной маневр. Судя по всему, его элитное драконейшейство возят только по элитным кругам (невидимым простому человеческому глазу), все остальное оскорбляет его драконье достоинство!

С этой мыслью я снова полезла за телефоном, но долезть не успела, мы обогнули одну из рассыпающих яркий свет высоток, и пошли на снижение. На парковке, куда мы садились, не было ни одного флайса, а еще над ней растянули силовой щит. Который сверкнул отраженными неоновыми искрами и погас, когда Ландерстерг скользнул пальцами по дисплею.

– Куда вы меня привезли?!

– К себе, разумеется, – дракон поднял голову и посмотрел

на меня в упор. – Проверим, насколько вы пригодны для создания драконят.

Во мне кончились слова. А когда начались, кончились снова, и так повторялось несколько раз, пока я, наконец, обрела дар речи.

– Вы с ума сошли?!

– Не больше, чем вы, когда решили, что можете устроить все это и остаться безнаказанной.

Его голос опустился до скрежета когтей по металлу, и от этого скрежета во мне зарождалось совершенно сумасшедшее желание все-таки огреть его сумкой с коньками.

– Я все расскажу отцу! – выдохнула я.

– Ваш отец знает, что вы будете ночевать у меня. Он так же знает о том, что вы устроили на катке, и очень сильно разочарован.

Получилось остро. И больно. Не то холодного «разочарован», несущего в себе ровно столько же чувств, сколько ледяные хребты гор, не то от сознания того, что отец так просто согласился на то, чтобы я у него ночевала. Зная, что… что…

– Вы так торопились забрать свое, что поспешили все ему рассказать? – спросила, сжимая кулаки. – Подстраховаться решили? Или боитесь, что вашего влияния не хватит на то, чтобы заставить меня выйти за вас замуж? Будете использовать моего отца?

– Я использую все, что сочту нужным, Лаура.

В следующий миг дверца флайса пошла ввысь, и Ландер-

стерг первым шагнул во взрезавший тепло салона мороз.

– Руку, ферна Хэдфенгер. Или вас понести?

В глубине подсвеченных ледяным огнем глаз было видно, что да – понесет. Кверху задницей, на глазах у мергхандаров, поэтому я собрала всю свою волю в кулак и шагнула на парковку, игнорируя его руку. Впрочем, игнорировать долго не получилось, его ладонь тут же накрыла мои пальцы и сжала мягко, но так, что вырваться не представлялось никакой возможности. Ледяные искры впились в ладонь, заставляя вздрогнуть: паляще-жалящее прикосновение отдалось во всем теле волной нестерпимого жара. Мы прошли сквозь шеренгу охраны и оказались у высоченных, в три моих роста стеклянных дверей.

Которые разошлись, когда Ландерстерг приложил ладонь к сканеру.

Двери за нами сомкнулись, и мы оказались в просторном холле одни. Вспыхнул свет, и по стеклам тут же потекла матовая тонировка (инвизибл-жалюзи), окончательно отрезая нас от внешнего мира.

– Поднимайтесь в спальню, – скомандовали мне.

Я вывернулась из куртки, из-под тяжести его ладоней, как виар из-под лапы дракона, и сложила руки на груди.

– Нет.

– Поднимайтесь в спальню, Лаура, – мне указали на край стеклянной лестницы, подчеркнутой штрихами металлических перил. – Или вашим друзьям нужны проблемы?

Задохнувшись под его взглядом, сжала руки в кулаки.

– Ненавижу вас!

– С этим я как-нибудь справлюсь.

Справится он! От души пожелала дракону заморозиться изнутри, съесть собственный хвост и вылететь через окно задом наперед, после чего направилась к лестнице. Страшно было до жутиков, особенно под тяжелым взглядом, протягивающим по спине, как ледяной хлыст. Ступеньки перед глазами расплывались, а пальцы стали ледяными даже без помощи Ландерстерга.

Которая из дверей спальня я поняла, только когда меня развернули к нужной, а потом подтолкнули в ее распахнувшуюся пасть. О том, что я зависла на несколько минут, подумала только когда увидела в руках дракона стакан воды.

– Пейте, – скомандовал Ландерстерг и сунул стакан мне в руки. – До дна.

Я почти поднесла воду к пересохшим, горящим губам, когда правящий шагнул ко мне, на ходу развязывая галстук. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я размахнулась и от души плеснула водой его драконейшеству прямо в лицо.

Мне никогда не доводилось видеть, как вода превращается в снежную крошку прямо на лету. После чего осыпается, как в прозрачном детском шарике, и в ту же секунду в комнате холодает, как если бы открылись все окна разом. Я смотрела на то, как последняя снежинка садится на отполированный до блеска ботинок и чувствовала, как по всему те-

лу волосы встают дыбом. От близости зверя, в глазах которого сейчас даже зрачки дернулись, только чудом не изменив форму.

– Раздевайтесь.

Голос дракона звучал хрипло и так глубоко, что внутри меня снова дернулась невидимая струна. Она захлестывала, оборачивалась вокруг тела невидимым поводком, словно подтягивая все ближе и ближе к стоявшему напротив мужчине. Который отнял у меня стакан одним коротким рывком.

– Не…

– Не провоцируйте меня, Лаура. – Теперь уже в его голос ворвалось глухое рычание, снова отозвавшееся в моем теле. – Лимит проверок на прочность моего терпения вы на сегодня исчерпали. Раздевайтесь. Или я раздену вас сам.

Раздеваться, говорите?

Да пожалуйста!

Я потянула наверх свитер, затем стянула короткую плотную шерстяную юбку, оставшись в нижнем белье и чулках. Взгляд Ландерстерга потемнел до такой глубины, что мне на миг стало нечем дышать, все внутри сжалось тугой пружиной. Подавив желание обхватить себя руками и отступить, я вскинула подбородок и посмотрела на него.

– Что? Белье тоже снимать? Или вы устроите проблемы моим друзьям, и дальше по тексту?

– На кровать, – скомандовала этот бронебойный ледоход.

Ну знаете ли…

– Я вам не дрессированная виари, – сказала я, сложив руки на груди. – И не собираюсь…

Договорить мне не позволили, попросту столкнув на мягкое покрывало. Которое успело слегка подморозиться, и холод иглами впился в обнаженную кожу. Все тело покрылось мурашками, а Ландерстерг уже опустился на кровать рядом со мной. Абсурдность ситуации просто зашкаливала, но в следующий миг все мысли про абсурдность во мне кончились: ладонь иртхана скользнула по моему бедру. По той самой грани, на которой заканчивалось кружево и начиналась кожа, сейчас почему-то особенно чувствительная.

– Вы всегда носите чулки, Лаура? – рычащие нотки ударили в сознание.

А я что говорила?! Драконофетишист хренов!

– Вы меня лапаете!

– Имею право.

– Имела я ваши права!

Вторая ладонь легла мне на затылок, с силой сгребая волосы в горсть. Без боли, но заставляя невольно запрокинуть голову и наткнуться на его взгляд. Учитывая, что сейчас в его глазах вспыхнуло пламя, чувство было такое, будто на меня действительно смотрит дракон.

– Мои права и желания вы будете учитывать в первую очередь, Лаура, – произнес он с такими интонациями, что по телу прошла странная дрожь. – Запомните это.

Если еще пару мгновений назад я готова была стучать

зубами от холода, то сейчас воздух вокруг нас раскалился. Прикосновение пальцев к груди, под ключицей, вышло неожиданным, колючим, острым, на кожу словно упала ледяная вуаль. А в следующий миг ее уже обожгло. Сорвавшееся с пальцев дракона пламя ужалило первым укусом, затем вторым, третьим, и… Раньше, чем я дернулась, ладонь Ландерстерга буквально пригвоздила меня к кровати.

– Лежите смирно, или будет очень больно.

Да мне и так больно! Я не стала говорить этого вслух, зажмурившись, чтобы не видеть, как ледяные искры впитываются в кожу. В детстве меня покусали пчелы, вот и сейчас чувство было такое, будто в меня снова и снова тыкали раскаленными иголками. Несмотря на холод, который их немного смягчал, больно было все равно, и я изо всех сил старалась не разреветься.

От обиды, от того, что отец добровольно отдал меня ему, от… да от всего вместе, наверное! Ресницы дрожали, но я сдаваться не собиралась: если и буду плакать, то точно не перед ним! Чтоб его драконы сожрали и переваривали лет десять, а лучше – двадцать! Чтоб у него отвалилось все, что может отвалиться. Чтобы его импотенция до конца жизни замучила! Чтобы…

Вдоль скулы скользнули пальцы, и я дернулась. Широко распахнула глаза.

– Все.

Дракон по-прежнему нависал надо мной, правда, больше

не прикасался. Там, где по моей коже скользили его пальцы, сейчас раскрывался какой-то светящийся голубой узор, но из-за сильного свечения и припухшей кожи пока было непонятно, какой именно.

– Что вы сделали?! – Я с силой оттолкнула его руку и села на кровати. – Что это?!

Потемневшие глаза сверкнули сталью. Металлическим синим светом.

– Это знак того, что вы принадлежите мне, Лаура.

Что?

ЧТО?!

Я взвилась с кровати рывком, бросилась к зеркалу и замерла. Свечение становилось меньше, сквозь него проступали более четкие контуры, как будто пламя ложилось на кожу, впитывалось в нее.

Клеймом.

– Снимите! – резко развернулась к нему.

– И не подумаю. – Ландерстерг поднялся и шагнул ко мне.

– Это противозаконно! Я не давала на это согласия.

– А я его и не спрашивал. – Он поправил запонку на рубашке и накинул пиджак. – Одевайтесь, ферна Хэдфенгер. Первое время может хотеться пить, так приживается на вас мое пламя. Не старайтесь это игнорировать, просто пейте больше воды. Если почувствуете что-то не то, сразу звоните мне.

– Что-то не то я чувствую, когда вы рядом. Когда вас ря-

дом нет, со мной все отлично!

Не дожидаясь ответа, я натянула юбку. За ней – свитер, после чего сложила руки на груди:

– Еще приказы будут?

– Сегодня нет. Хестор уже ждет на парковке, он отвезет вас домой.

Я моргнула.

– Вы всерьез решили, что я стану жаловаться вашему отцу? – Ландерстерг слегка приподнял бровь. – Считайте это уроком, Лаура. Надеюсь, следующие вам не потребуются.

Уроком?! Считать?!

– Вы… вы не просто драконья жопа, вы хрен драконий! – выдохнула я.

– Коньки, – ответил драконий хрен и вручил мне сумку. – Не стоит надевать чулки на каток, Лаура. Застудитесь.

Последнее мне сообщили примерно так же, как могли бы сказать: «Одер, мне кофе. Крепкий».

Я показала ему непристойный жест и вылетела за дверь. По лестнице метнулась тенью, выбежала в холл, на ходу закуталась в курточку.

Хестор действительно дожидался меня на парковке, но все, на что меня хватило – это бросить сумку на заднее сиденье и упасть следом. Там, где меня касался Ландерстерг, до сих пор горели следы ледяного пламени, узор на груди, казалось, вот-вот прожжет свитер. Приложив к нему руку, даже сквозь плотную шерстяную вязку ощутила жалящие ладонь

уколы.

«Это знак того, что вы принадлежите мне, Лаура».

Никому я не принадлежу! И никогда не стану принадлежать!

Чтобы немного успокоиться, набрала подругу. Ответом мне стали длинные гудки и сработавший автоответчик: «Всем привет! Это Ринара Великолепная. Если у вас есть важная информация, не терпящая отлагательств, наболтайте ее со всей серьезностью. Я отвечу, как только смогу».

Не дожидаясь гудка записи, нажала отбой и сквозь панорамные окна верхнего холла бросила взгляд на стремительно удаляющийся пентхаус Ландерстерга.

Стилист и пресс-секретарь, говорите?

Это мы еще посмотрим!

[1] Самый известный бренд смартфонов во всем мире

Глава 8

Я влетела в квартиру, оглушительно хлопнув дверью.

– Па-ап! – крикнула прямо с порога. – Пап! Ты дома?!

Едва успела расстегнуть сапоги, когда в холл выплыла Ингрид.

– Лаура, ты могла бы вести себя прилично? – холодно поинтересовалась она.

– Я веду себя прилично. Где папа?

– Он встречается с каким-то проблемным клиентом. – Ингрид еще понизила голос. Мачеха выглядела недовольной: так случалось всякий раз, когда ее что-то или кто-то отвлекало от дел. – И я буду тебе очень благодарна, если ты не станешь больше кричать на всю квартиру. У нас гости.

– Гости?!

Гостем оказался, как выяснилось, стилист. Судя по количеству разложенных по дивану образцов ткани, а заодно по раскрытому в ноутбуке каталогу, Ингрид уже вовсю готовилась к вечеринке у Ландерстергов. Я не стала ее разочаровывать, что вечеринки не будет, просто поздоровалась и поднялась наверх, на ходу обувая домашние балетки.

– Силь? – заглянула к сестре. – Ты не в курсе, папа не говорил, когда вернется?

– Понятия не имею. – Сестра поспешно захлопнула ноут-

бук. – Тебя стучать не учили?

– Можно подумать, ты всегда стучишь, – огрызнулась я и вылетела из ее комнаты.

Не знаю, как насчет пламени Ландерстерга, но моего собственного сейчас хватало, чтобы подпалить пару комнат.

Знак принадлежности!

Этого еще не хватало!

Я распахнула окно и высунулась в него по пояс, чтобы немного остыть, но помогло не особо. Меня по-прежнему потряхивало, будто и не было этого полета от драконьей пещеры до жилища человека обыкновенного.

У-у-у, как он меня бесит!

Ненавижу его!

Ненавижу!

Внизу хлопнула дверь, и меня снесло с окна как под порывом ледяного ветра. Я вылетела из комнаты, и, перепрыгивая через две ступеньки, бросилась вниз.

– Пап! – выдохнула я. – Нам надо поговорить.

Отец, который успел только снять пальто, приподнял брови.

– Это так срочно?

– Более чем!

– Что, даже до ужина не подождет?

– Не подождет, – я кивнула в сторону кабинета. – Пойдем. Пожалуйста.

Отец покачал головой, но все-таки взял меня под руку.

– Что-то не так, Лаура? – спросил, когда за нами закрылась дверь.

– Все! – выдохнула я, и, вспомнив, что «у нас гости», все-таки понизила голос. – Папа, я не хочу замуж за Ландерстерга!

– Хорошая шутка. – Отец, начавший было опускаться в кресло, замер.

– Это не шутка.

– Что значит – это не шутка?!

– То и значит! – только сейчас я поняла, что стоило переодеться, но переодеться мне уже не грозило. Поэтому я оттянула ворот свитера (к счастью, широкий), настолько, насколько это возможно. – Он меня заклеймил!

Брови отца снова приподнялись, когда он увидел краешек голубой закорючки, язычком ледяного пламени выползающего на мою ключицу. Потом брови его сошлись на переносице, а отец опустился в кресло.

– Так надо, Лаура.

Что?!

– Как – надо? – переспросила я дрожащим от ярости голосом. – Увозить девушку с катка, выдергивать ее от друзей на глазах у всех, а потом ставить ей это клеймо? Так надо, да, пап?! Так?!

– Лаура, у тебя истерика. Успокойся, а завтра мы поговорим нормально.

– Нет у меня никакой истерики! – я подлетела к столу. –

Я с самого начала говорила тебе, что не хочу идти на это собеседование, но ты меня даже слушать не стал! Я пошла туда только для того, чтобы его провалить, но Ландерстерг с какой-то радости выбрал меня! Да он меня даже не знает, но уже умудрился наляпать клеймо, как породистой виари! Насильно! Я не давала своего согласия, слышишь?!

– Хватит! – Отец рявкнул так, что я вздрогнула. – Хватит, Лаура. Довольно. Я вижу, к чему ты клонишь. Все дело в том, что у тебя с детства было все, что ты только пожелаешь. Лучшие игрушки, танцы, коньки. Я выкладывался, чтобы обеспечить тебе лучшую жизнь, и в итоге превратил в избалованное чудовище.

– Что?

– То. – Он поднялся из-за стола. – Ты привыкла, что все в твоем мире происходит по щелчку пальцев, а если не происходит, значит, ты недостаточно громко щелкнула. Ты согласилась пойти на собеседование…

– Я согласилась из-за вас! – выдохнула я. – Из-за вас, из-за тебя, Даргела, Ингрид, Сильви. Я хотела, чтобы…

– Если бы ты согласилась из-за нас, этого вопроса сейчас просто бы не возникло, – холодно произнес он. Настолько холодно, насколько вообще возможно. Наверняка, он успешно применял его во время судов, но со мной он никогда так не говорил. Ни разу, сколько я себя помнила. – Тебе двадцать один год. Пора понимать, что детство закончилось.

– Дело не в детстве. Неужели ты не понимаешь?!

– О нет. – Он шагнул ко мне. – Я все прекрасно понимаю. «Эрвилль де Олис», верно? Вот, что тебе нужно сейчас, и ты не успокоишься, пока его не получишь, и не наиграешься. Но вот, что я тебе скажу, Лаура. Твой эгоизм и твои желания всегда были для меня на первом месте. Потому что я люблю тебя. Потому что я поклялся твоей матери…

– Нет, – сказала я севшим голосом. – Не смей приплетать сюда маму.

– Не сметь? – Он сдвинул брови. – Ты с детства все разрушаешь. Я потерял ее из-за тебя!

Наверное, я всегда знала, что он так думает. Наверное… но сейчас меня словно ударили под дых, и воздух вышел из меня коротким рваным судорожным вздохом. Я развернулась и вылетела из кабинета. Как оказалась в своей комнате, помнила смутно, несмотря на распахнутое настежь окно, мне кажется, стало еще жарче.

В кресло я практически упала, и только когда включала ноутбук, поняла, что у меня дрожат пальцы. Папка, в которую я почти не заглядывала… а точнее, заглядывала раз в год, в мамин День Рождения, была сохранена у меня в разделе «Самое дорогое». Я открыла ее и первое, что увидела – свадебные фотографии. Мама и отец улыбались, сплетая пальцы. Воздушное платье (тогда в моде была пышность) раскрывалось от тонкой талии белоснежными волнами, лиф подчеркивал красивую грудь. Темные волосы были уложены в высокую прическу, фиолетовые глаза лучились счастьем.

Мама сама была как счастье. Когда она приехала из Раграна, поступать в Университет, папа уже учился на четвертом курсе. Они случайно познакомились во время студенческой вечеринки (где она его здорово отшила, если верить его словам), и с тех пор крепко зацепила. Он стал за ней ухаживать, чтобы добиться ее внимания, и в результате… ну, в результате у них все получилось.

И получилось бы еще лучше, если бы не я.

Фото, где мама на девятом месяце, готовится к родам, светится от счастья, заставило меня плотно сжать губы. Она показывала маленькую рубашечку, одну из многих, которую купила для меня, и было странно даже представить, что через несколько дней ее не станет.

Потому что нужно было выбирать, спасать ее или меня.

И потому что она попросила спасти меня.

Я сжала губы еще плотнее и захлопнула ноутбук, но ее сияющее лицо по-прежнему стояло перед глазами. Она словно светилась изнутри, счастливая, как никогда. Даже темно-фиолетовые глаза словно становились светлее и ярче, и от этого светлее и ярче становилось мне.

– Я не буду плакать, мам, – пообещала в который раз. – Я тебя люблю.

Отключила ноутбук от сети, взяла его с собой на кровать, и, повернувшись спиной к распахнутому настежь окну, обняла. А потом улыбнулась и закрыла глаза.

Утро наступило внезапно. Только что я закрыла глаза, как мне казалось – и вот, здравствуйте, доброе утро. То, что я полночи не спала, ворочаясь с боку на бок и пытаясь придумать, как избавиться от Ландерстерга (звучит почти политически), не считается. Теория вероятностей осталась на том уровне, на котором я успела ее почитать до того, как пошла на каток, но в теории я ее знала, поэтому по поводу зачета переживать не стоило. Переживать стоило только по поводу того, что мне предстояло вечером, а точнее, не предстояло.

Оказывается, от души желая дракону несварения, можно придумать много всего замечательного. Несварение, например. Не потащит же он мающуюся расстройством желудка невесту на пресс-конференцию. А если пресс-конференция не состоится сегодня, это даст мне отсрочку, за время которой я придумаю что-нибудь посолиднее. Например, движение «Свободу человеческим невестам, или Скажем решительное «нет» чешуйчатым женихам».

С этой мыслью я оторвала голову от подушки и… уронила ее обратно. Она казалась не просто тяжелой, неприподъемной. Помимо неприподъемности головы дико пересохли губы и пекло глаза. Простыла, что ли? Ну в общем, даже хорошо. Будет очень в тему моего «несварения».

Усилием воли столкнула себя с кровати и пошла в ванную. Под тонкой маечкой красовался узор принадлежности Ландерстергу. Красивый, надо сказать, серебристо-голубой, как будто на моей коже зарождалось ледяное пламя. Я бы,

может, даже им любовалась, если бы не сам факт того, как на мне это появилось. Воспоминание о последнем отбили всякое желание думать о красоте ледяного пламени, я потянулась за зубной щеткой, и в этот момент с визгом:

– Ла-а-а-алиииии!!!! – на меня сзади налетела Сильви.

Я покачнулась и не влетела в зеркало лбом только потому, что сестра резко дернула меня назад, разворачивая лицом к себе.

– Ну ты и интриганка, а! – Сестра сверкнула глазами.

– А?

– А! – Она развернула ко мне экран смартфона. – Вот! У меня сто пятьдесят тысяч подписчиков, а у тебя… двести одиннадцать!

Я, наверное, не до конца проснулась, потому что вообще смутно соображала, откуда на моем аккаунте взяться двести одиннадцати тысячам, и какая мне с этого радость.

– Ну! Ты почему не сказала, что на каток идешь с Ландерстергом? Ну ладно, что ты с ним встречаешься, и он тебя забирает? – Сильви выпалила это все на одном дыхании. – Ладно, понимаю, что это был секретный секрет, и не злюсь! Спускайся завтракать!

С этими словами она развернулась и вылетела за дверь, а до меня, наконец, дошло.

Двести одиннадцать тысяч в мою соцсеть могло привести только эффектное появление с Ландерстергом на катке. Точнее, эффектное появление Ландерстерга и элитной охраны

на катке, с которыми я потом элитно ушла на глазах у всех.

Мне захотелось побиться головой о зеркало, вместо этого я полезла в сеть и выяснила, что «Лаура Хэдфенгер ушла вместе с Торнгером Ландерстергом. Значит ли это, что…»

Таких заголовков (в разных вариациях) было по всей сети больше, чем снега в Великой Фервернской Пустоши, разделяющей Хайрмарг и большую часть страны, поэтому я закрыла браузер и пошла чистить зубы. А потом – одеваться.

– Лаура, ты какая-то бледная, – произнесла Ингрид, когда я заглянула в столовую. Такая забота и сияющая улыбка на ее лице говорили о том, что ее новости в сети порадовали.

При мысли об этом меня затошнило.

– Садись завтракать. Наверное, у тебя упал гемоглобин.

При мысли о еде затошнило еще сильнее. Я представила, как изменится обстановка за завтраком, если я скажу, что у меня непереносимость драконов, но как раз в эту минуту в столовую вошел отец.

– Мне нужно на зачет, – я отступила, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. – Я просто зашла пожелать всем доброго утра, и уже убегаю.

– Так рано? – удивилась Сильви. – Я думала, мы поедем вместе.

– Нет, мы договорились с Рин встретиться пораньше. Я обещала разобрать с ней одну тему.

– А, – Сильви потеряла ко мне всякий интерес и уткнулась в тарелку.

– Удачи на зачете, – это прозвучало со стороны отца. Я просто чувствовала на себе его взгляд, прожигающий не хуже драконова клейма.

– Иди первой и не задерживайся! – это уже Ингрид.

Я не ответила, тем более что простуда сказывалась на мне не лучшим образом. Заболела голова, а еще пить хотелось неимоверно. Об этом я подумала, уже оказавшись во флайсе. Там же вспомнила, что мне советовали пить воду, но куда может идти первое фернство со своими советами, вслух не говорят.

Что самое интересное, горло у меня не болело и нос тоже не был заложен, что в сложившихся обстоятельствах, несомненно, радовало. Во-первых, когда у меня садился голос, он садился конкретно, и я не могла говорить вообще. А во-вторых, с полной головой соплей очень сложно сдавать теорию вероятностей, даже если ты в принципе в теме разбираешься.

Разумеется, на зачет я приехала первой и в пустынном коридоре долго подпирала стену, пока появились первые однокурсники. Заметив меня, они как-то слишком резко для зачета повеселели:

– О! Лаура! Привет!

Под их взглядами я сейчас ощущала себя абсолютно и бесповоротно невестой Ландерстерга. Настолько невестой Ландерстерга, насколько это вообще возможно, у них в глазах горело столько вопросов, что я не выдержала и сбежала

к кулеру в конце коридора. Где в обнимку со стаканчиком воды ненадолго почувствовала себя лучше. Правда, очень ненадолго: на плечо мне легла рука и за спиной раздался голос Миста:

– Хэй! Лали.

– Я тебе не Лали. – Я сбросила его руку и повернулась.

В глазах бывшего вопросов не было, он тут же вскинул ладони.

– Ладно. Лаура. Слушай, я хотел извиниться за вчерашнее… ну… ты бы сразу сказала, в чем дело, а то я просто не понял. Понимаешь… Решил, что ты…

– Иди в жопу.

– Что? – Мист откровенно опешил.

– Иди. В жопу, – сказала я. – По слогам повторить?!

Швырнула стаканчик в мусорницу и направилась к однокурсникам. Перед глазами все плыло, то и дело вспыхивали голубые искры и дыхание сбивалось. К счастью (моему и всех остальных) появился преподаватель с ключом-карточкой и открыл аудиторию.

– Через пять минут заходим по одному, – командует он. – Рассаживаемся за столы, где активированы планшеты с тестами. Дальнейший порядок вы знаете.

Зачеты, как и экзамены, у нас были наполовину автоматизированы. То есть сначала нужно было решить тест (результаты высвечивались сразу у тебя и у преподавателя, количество верных баллов). Если тест «пропускал», дальше нужно

было выбрать электронный билет в специальной программе. Такая своеобразная учебная лотерея. Основной вопрос был по теории, на подготовку отводилось двадцать минут. После чего короткая беседа с преподавателем решала, зачет или не зачет.

Дверь в аудиторию захлопывается, и с этой минуты я с Ландерстергом благополучно забыта, у всех включается режим «Я ничего не знаю», он же «мандраж обыкновенный, предэкзаменационный». Я бы и рада включить его вместе со всеми, но у меня то пересыхают губы, то горло, то все вместе, поэтому я очень рада, когда на табло над аудиторией, наконец, вспыхивает «Приглашается студент».

Зачет я сдала исключительно на энергии действия. Влетела в аудиторию первой, первой сдала зачет и первой оттуда вылетела. Если бы не Ринни, я бы сразу убежала домой, «готовиться» ко встрече со стилистом и пресс-секретарем, а так пришлось присоединиться к однокурсникам и отвечать на вопросы:

– Ну как?

– Тест был сложный?

– А билет?

– На все ответила?

– Не валил?

– Сдала?

Что меня радовало, так это то, что вопросы не про Ландерстерга.

Что не радовало, так это то, что к жару добавился шум в ушах, а искры сменила льдисто-голубая дымка.

– Сдала.

– Класс! Молодец…

– Поздравляю!

Раньше я была бы счастлива, но… Рин приехала одной из последних, поэтому зашла относительно недавно. Она влетела в аудиторию, когда я уже готовилась по вопросу, и мне казалось, что подруга сознательно меня избегает. Впрочем, скорее всего, мне не казалось. Потому что сегодня Ринни, когда вошла, даже не взглянула в мою сторону.

– Может, отметим? – предложил Саш, один из наших активистов.

– Нельзя! – воскликнула Аи.

– Почему?

– Потому что пока ты туда не зашел, нельзя говорить на тему «отметим».

– Аирана, ты-то чего? – фыркнул Герн. – У тебя всегда высшие баллы.

На электронном табло над аудиторией вспыхнул значок: «Приглашается студент».

– Иди! – подтолкнул Аи Саш. – Хватит здесь зависать, а то из-за тебя я уже сам трясусь.

– Трясешься ты из-за себя, – огрызнулась девушка, но все-таки шагнула к аудитории.

Чудом не столкнувшись с вылетевшей из-за дверей Рин.

– Ну как?

– На все ответила?

– У тебя какой билет был?

– Не сдала.

Ринни перекинула сумку через плечо, и быстро зашагала по коридору. Я бросилась за ней:

– Ринни! Рин! Подожди!

Она не остановилась, только ускорила шаг, в итоге догнала я ее уже за поворотом, ближе к лифтам. Перехватила за локоть, но подруга вырвалась.

– Отвали, а? Просто отвали, Лаура.

– Рин, нам нужно поговорить.

– Кому нужно? – Она шагнула ко мне, оказавшись лицом к лицу. – Тебе нужно? Для очистки совести? По-моему, тебе стоило раньше со мной поговорить, не находишь?! Я все-таки твоя лучшая подруга… была!

– Рин, что значит была?! Ты мне и слова не даешь вставить!

– Слова о чем? О том, что ты замуж собралась?! Или о том, что тебе не стоило выписывать кренделя на катке? Знаешь, я была лучшего о тебе мнения! Ты хоть понимаешь, в какое положение ты поставила Сэфла?! А Бена? Какого ты вчера ему глазки строила?!

Она выпалила все это мне в лицо, и, резко развернувшись, бросилась в сторону лифтов.

– У кого-то тяжелый день? – Голос Сильви раздался из-

за спины.

Я обернулась:

– А ты что тут делаешь, мелкая?

– Я не мелкая, – хмыкнула сестра. – Что это с ней?

Она кивнула на Ринни, которая с силой шарахнула ладонью по панели вызова.

– Мы поссорились.

– Почему?

Потому что Ландерстерг.

– Ты не сказала, что ты здесь делаешь? – повторила я.

– У меня вторая пара отменилась. История Золотого века заболела, – Сильви потянулась, встала на носочки. – А физическую нагрузку я сегодня прогуляю. Скажу потом, что по женской причине. Не хочу тут торчать. Ты уже сдала?

– Да.

Воздух вокруг неожиданно раскалился, а потом так же неожиданно схолоднул, как будто меня пнули из сауны на мороз.

– Тогда домой? – Сильви ослепительно улыбнулась.

– Домой.

– У меня еще две тысячи подписчиков прибавилось, – она показала телефон.

– Рада за тебя.

– Могла бы и порадоваться, – буркнула сестра. – А то в последнее время только рычишь на всех. Это ты от Ландерстерга заразилась?

Я чуть было не сказала, что от Ландерстерга можно заразиться только властными насекомыми, но удержалась. Мы были в общем коридоре, и тишина занятия не гарантировала того, что в следующий момент кто-то не выскочит из аудитории.

– О-о-о, я представляю, что будет завтра. – Глаза Сильви сверкали. – Ты на своей страничке вообще появляешься? Главное, чтобы тебя не заблокировали, когда к тебе ломанутся подписчики со всего света!

Сдались ей эти подписчики.

– Если честно, не представляю, как ты все это выдерживаешь, – она коснулась панели вызова лифта. – Как ты с ним общаешься? Какой он?

Дракон он.

– Отмороженный.

– Отмороженный? – это она переспросила почему-то шепотом.

– А еще импотент.

– Лали!

– Не верю я, что у него работает что-то, кроме системы приказов и распоряжений.

– О, ну это ты зря. – Сильви хихикнула. – Знаешь же, что мама подписана на «Эбер»?

Эбер – один из самых популярных женских журналов в Ферверне. Там все о новинках моды, о новейших трендовых постановках, об открытии модных домов, о брендах люксо-

вой косметики, уходовой и декоративной, о психологии, саморазвитии и многом другом.

– Знаю, разумеется.

– Так вот, там пишут, что чем большей властью наделен мужчина, тем лучше у него все в постели. Потому что он реализует свою агрессию и становится по-настоящему состоявшимся.

– Уволь меня от этих умозаключений.

– Да ладно. – Сильви первой шагнула в пустой лифт. – Скажешь, что тебя совершенно не волнует, как это будет с ним?

Нет! Потому что с ним ничего не будет!

– Ла-а-али, – сестра улыбнулась. – Ну правда. Ты же потом мне расскажешь?

– Да, обязательно! Сразу после первой брачной ночи позвоню и составлю отчет.

– Да ну тебя!

Сильви отвернулась, а я ткнула в нужный этаж и прислонилась к стене.

Все, я домой! Пора начинать операцию «Несварение».

– Лаура, открой! – В голосе Ингрид слышались истеричные нотки.

Они в нем слышались уже минут пятнадцать, с тех пор, как до мачехи окончательно дошло, что выходить я не собираюсь.

– Не могу, – сказала я. – Мне плохо.

И даже не солгала. Мне правда было плохо, настолько плохо, что я упустила такой важный стратегический момент, как графин с водой. И ведь заранее принесла его к себе в комнату, поставила на тумбочку… и оставила там, когда услышала, как приехали пресс-секретарь и стилист, а вот теперь горячо об этом жалела.

Ключевое слово – горячо. Так горячо мне еще не было.

Поначалу я сидела на мягком коврике, на который наступала после душа, теперь же сползла с него и привалилась к прохладной душевой кабине, испытывая желание залезть туда и включить воду. Ледяную.

Не знаю, что это был за вирус, но перед глазами у меня то и дело вспыхивало фервернское сияние.

– Лаура! Мы вызовем врача… – это прозвучало почти жалобно.

Ага, сейчас. Так я вам и поверила.

– Не надо, – сказала я.

Получилось хрипло.

Вот, кажется, и голос садится.

– Лаура!

Я не стала отвечать. Гораздо приятнее было сидеть, прижимаясь щекой к душевой кабине, и считать узорчики на матовом стекле. Изредка узорчики оживали и принимались ползать по стеклу, а потолок начинал двигаться. В такие моменты я старалась не двигаться сама, потому что тошнить

меня начинало уже на самом деле.

– Юргарн! – донеслось из-за двери.

О. Кажется, в ход пошла тяжелая артиллерия.

– Лаура! – Это уже голос отца. – Лаура, немедленно открой дверь!

А Ингрид небезнадежна. Об этом мне подумалось как-то очень отстраненно, сквозь вспышки фервернского сияния перед глазами. Получается, она сразу отцу позвонила? Или просто больше времени прошло? Я потянулась за планшетом и хмыкнула: да, с пятнадцатью минутами я погорячилась. Все сорок. За эти сорок ко мне приходила Сильви, мне звонил Даргел, отец вот даже с работы убежал в срочном порядке.

– Лаура! Открой, или я ее вышибу.

– Я сижу спиной к двери, – предупредила я. – Вышибешь дверь – вышибешь из меня Лауру.

Почему-то последнее заявление показалось мне недостаточно грозным, и я добавила:

– Навсегда.

– Кошмар! Это какой-то кошмар! – голос Ингрид.

– Ладно, Лаура, чего ты хочешь?

Чтобы меня оставили в покое.

– Остаться наедине с расстройством желудка.

– Брось! Мы оба знаем, что никакого расстройства нет.

– Есть, – сказала я. – Если хотите, можете остаться под дверью и послушать.

– Ферна Хэдфенгер.

После этих слов за дверью стало подозрительно тихо. В ванной, в общем тоже: мое фервернское сияние собралось в шеренгу, выстроилось у меня перед глазами ровной лентой и засияло ярче, чем все огни Хайрмарга вместе взятые. То, что у меня начались глюки, я поняла не сразу. То есть глюки, которые Ландерстерг, которого здесь совершенно точно не могло быть (в разгар рабочего дня в Айрлэнгер Харддарк), ну и вообще – не могло, обозначили свое присутствие стуком в дверь.

Подозреваю, что именно так мог бы стучать Ландерстерг, если бы он там был. Негромко, но жестко. Странно, что дверь сама не открылась или не выпала из арки.

– Ферна Хэдфенгер. Откройте. Нам надо поговорить.

– М-м-м-м… – сказала я. – Нет. Если вы глюк, то говорить нам с вами не о чем. А если нет, тем более не о чем. Потому что когда мы с вами в последний раз говорили, это ничем хорошим не закончилось.

Тишина за дверью могла означать только то, что глюк ушел. Ну либо то, что он сейчас пытается понять, что ему делать дальше, а может быть, то, глюк он или не глюк. В общем, возможны варианты.

– Мы здесь одни, – донеслось из-за двери.

– Хорошо, – сказала я.

– Откроете?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я вам не доверяю, – я глубоко вздохнула.

Сидеть мне стало тяжело, поэтому я легла. Головой на коврик, разумеется, что я, совсем себя вести не умею, что ли.

– Хорошо, поговорим через дверь, – прозвучало снаружи.

– Хорошо, – снова подтвердила я.

– Признаю, что я был неправ.

Точно глюк.

– Да-а-а, – сказала я, мечтательно глядя в плавающий надо мной потолок. – Вы были очень неправы, ферн Глюкдерстерг. И знаете, в чем? Сначала в том, что отказались меня слушать, а потом в том, что нацепили на меня эту штуковину… кстати. Давайте назовем наше общение туалетные переговоры. Как вам такой вариант?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.